

Б И Б Л И О Т Е К А

ISSN 0132-2095

ОГОНЁК

№ 45

1988

Михаил **СТЕПИЧЕВ**

М О С К В А

ИЗДАТЕЛЬСТВО

«П Р А В Д А»

ВСТАНЬ ЗА ПРАВДУ

БИБЛИОТЕКА «ОГОНЕК» № 45

Михаил СТЕПИЧЕВ

ВСТАНЬ ЗА ПРАВДУ

О ЧЕРКИ

Москва. Издательство «ПРАВДА»
1988

Михаил СТЕПИЧЕВ

Это очерки о советских людях разных поколений — героях Великого Октября, творцах новой жизни, мужественных участниках битвы с врагом на фронтах Великой Отечественной войны. Борцы за правду, энтузиасты нового, они сегодня на практике осуществляют революционную перестройку, которая под руководством партии развернулась в стране.

Автор очерков Михаил Степичев три десятилетия работает в «Правде». Родился под Ленинградом, учился в институте журналистики, окончил Высшую партийную школу при ЦК КПСС. С первого дня войны на фронте, несколько раз ранен, награжден орденами и медалями.

Журналистом-правдистом написан ряд книг и очерков о людях труда и подвига, делах коммунистов, партийной работе, правде и морали, борьбе с враждебной идеологией, подрывной деятельностью иностранных разведок. Среди них — «Не погаси огня», «Факел в крепких руках», «Не пропусти зарницу», «Лицом к огню», «Сердца, отданные людям», «Фронт, где нет передышки», «Строки из «Правды», «Лично ответствен» (серия «XXVII съезд КПСС».)

Лауреат литературных конкурсов, премии Союза журналистов СССР 1984 года. Заслуженный работник культуры РСФСР.

ВСТАНЬ ЗА ПРАВДУ

Эта история — нелегкая, но хочется начать ее оптимистично, словами Константина Симонова: «Был у майора Деева товарищ — майор Петров, дружили еще с гражданской, еще с двадцатых годов. Вместе рубали белых шашками на скаку, вместе потом служили...» И поговорка у них была лаконичная и предельно ясная: «...на свете два раза не умирать».

Так поначалу сложилась жизнь и у друзей-конников Виктора Ильина и Бориса Теплинского. Ничего, что звания у них были разные, но в революцию шли в одном солдатском строю. Их объединяли общность взглядов на жизнь и преданность делу рабочего класса.

В июле 1920 года под Белостоком от разрыва артиллерийского снаряда выпал из седла политбоец отдельного эскадрона третьего кавкорпуса Виктор Ильин. Его доставили в госпиталь города Вильно, а затем перевезли в Петроград. Казалось, все: вышибли из седла парня. Но не сдался конармеец Ильин. И спустя некоторое время после излечения он снова сидел в седле, став курсантом Елизаветградских кавкурсов, а позже курсантом военно-политической школы МВО. После окончания школы Ильин был назначен политруком эскадрона кавполка дивизии особого назначения при коллегии ОГПУ.

Я держу в руках снимок, на котором изображены сидящие на коновязи друзья: политрук Ильин и помощник комполка Теплинский. Их связывают не только добрые служебные взаимоотношения, но и дружба, выдержавшая многие испытания. Время проходило в ежедневных трудах и заботах о своих подразделениях. Редко-редко удавалось поговорить о личных планах. Как-то Борис признался, что его влечет авиация.

— Ты же до мозга костей конник, — говорил ему Ильин.

— Это так — люблю конницу. Но смотрю реально: авиация — наше будущее, наша грозная сила. Особенно, когда ее действия умело увязаны с наземными войсками.

Вскоре их служебные дороги разошлись. Виктора Николаевича Ильина по зрению уволили в запас из армии, и он приступил к работе в ВСНХ. В 1933 году ЦК направил его в органы госбезопасности.

Его друг окончил Академию Генштаба и был оставлен в ней адъютантом на кафедре авиации. Затем был начальником оперативного отдела ВВС Сибирского военного округа. Когда началась Великая Отечественная война, генерал Теплинский просится на фронт. В Москву посылал рапорт за рапортом. Но все бесполезно. В письме Ильину он изливает свои чувства: «Виктор, я несколько раз посылал руководству ВВС рапорта и просил направить меня на фронт. Но ни приветов, ни ответов. Горю желанием громить гитлеровцев, посягнувших на нашу Отчизну».

Как-то раз начальник управления НКВД Абакумов попросил Ильина зайти. Ильин знал Абакумова еще в то время, когда тот работал пом. оперуполномоченного ГУЛАГа. Потом оказался в следственной группе, где и отличился умением фабриковать «дела» на невинных людей, «добывать» у арестованных любые нужные начальству признания.

— Знаешь Теплинского? — с ходу спросил Абакумов.

— Знаю.

— Откуда?

— Это мой товарищ. Вместе служили в армии. Я рекомендовал его в партию.

— А знаешь ли ты, что он тебе пишет одно, а сам думает о другом? — мрачно заметил Абакумов. Неожиданно хозяин кабинета достал из папки фотокарточку и сказал: — Вот его лицо. Лицо, которое не вызывает доверия.

— Для такого заключения одного выражения лица мало... Я не верю, чтобы Теплинский мог допустить что-то нехорошее, — твердо заявил Ильин. — Он надежный партийный товарищ. Активный участник гражданской войны. Имеет три ранения. Патриот до мозга костей. За каждое свое слово отвечаю перед партией...

Абакумов резко встал и заговорил тоном приказа:

— Прекрати связь с ним. Но так, чтобы он ничего не заподозрил. Не смей ему говорить ничего о нашем разговоре. Ни единого слова! Видя, что Ильин не уходит, Абакумов спросил:

— Ты что-то хочешь сказать?

Ильину было ясно, что сегодня разговор не получится, ситуация складывается трудная, но он не мог даже в этот критический момент отступить ни на йоту от правды.

— Бориса Теплинского я знаю лучше тебя.

— Лучше меня? — вспыхнул Абакумов. — Не забывайся, комиссар госбезопасности.

Было уже поздно, но он решил пешком пройти до дому. Ясно одно: над Теплинским нависла угроза. За что? И чем больше думал в тот вечер, тем больше утверждался в мысли: нет, не может он отшатнуться от друга, предать товарища, верного бойца революции.

Через пару недель из аэропорта позвонил Теплинский. Сказал, что приехал по вызову в Москву вместе с конструктором Лавочкиным.

— Ты можешь прислать за нами свою машину? Кроме тебя, мне негде остановиться.

В аэропорту друзья крепко обнялись. Борис радовался: «Ну, кажется, теперь повуюю».

29 апреля 1943 года Теплинский позвонил Виктору на работу и сообщил, что его вызывают к начальнику отдела кадров ВВС. После этого Теплинский не вернулся на квартиру. Потом выяснилось, что сам Абакумов арестовал генерала, привез в свой кабинет и, сорвав с него погоны, приказал «обрядить» в старые солдатские гимнастерку и брюки.

На другой день зам. наркома Кобулов предложил Ильину дать письменное объяснение, почему он не только игнорировал указание Абакумова порвать связь с Теплинским, но и привез его к себе на квартиру. Ильин дал такое объяснение и в конце его заключил: «Я написал все. Добавить больше нечего. Если бы все это повторилось снова, я поступил бы точно таким же образом».

3 мая 1943 года вечером Ильина вызвали к Меркулову. Здесь уже сидел Абакумов. В томительной тишине Меркулов внимательно читал какую-то бумагу. Наконец закончил чтение, вернул листы Абакумову и, обращаясь к Ильину, глухо произнес:

— Получено указание о твоём аресте.

— Неужели сейчас, когда идет жесточайшая битва на фронте, я нужнее в лагерях, а не на передовой? — сказал Ильин.

Ему не ответили.

После звонка Меркулова в кабинет вошел начальник внутренней тюрьмы и увел Ильина в камеру-одиночку.

С усердием следствие занялось «созданием» дела на Ильина — Теплинского. Его было поручено вести Лихачеву и Соколову. Они пользовались особым доверием Абакумова.

Сначала Соколов добивался у Ильина самооговора и дачи ложных, клеветнических показаний. Не удалось. Занялись политической компрометацией Ильина как члена партии и чекиста. В свое время Ильин дал Теплинскому рекомендацию для вступления в кандидаты партии. Потом написал партийный отзыв, когда Теплинского назначили начальником оперативного отдела ВВС. Следователи представили дело так: Ильин, давая свои рекомендации, якобы не только знал о троцкистских взглядах и высказываниях Теплинского, но и сам принимал участие в этих разговорах. Ильин возражал:

— Это — ложь! Я отказываюсь отвечать на провокационные вопросы.

Было ясно, что «лобовой атакой» следователи ничего не добьются. Тогда они пошли по гнусному пути: бессонными ночами и надуманными вопросами решили «запутать» подследственных, лишить их воли к сопротивлению.

Следователи вынудили Теплинского признать факт участия Ильина в разговоре Теплинского со своим товарищем по академии, когда они

с троцкистских позиций критиковали политику ЦК, а Ильин с ними не соглашался и защищал политику, проводимую ЦК партии. Необоснованно принимая на себя удар, Теплинский этим хотел спасти Ильина, облегчить его участь.

На очной ставке Виктор Николаевич твердо и доказательно заявил: — Теплинский клеветает на себя, на своего товарища и на меня. Такого разговора не было. И не могло быть!

Очную ставку прервали, и Соколов грубо вытолкнул Ильина из кабинета. Теплинский, поняв, что его обманули следователи, полностью отказался от своих показаний... И ничто уже, даже применение средств физического воздействия, не помогло следователям добиться, чтобы Теплинский повторил свои ложные показания.

После очной ставки, идя по узкому, темноватому коридору, Ильин думал, что этот разговор, видимо, приблизит развязку. Шедший рядом следователь, словно угадав мысли, сказал:

— Что вы упрямитесь?

— Это не упрямство, а борьба за истину.

— Все равно ведь конец...

— У каждого он будет, — заметил Ильин. — Но еще посмотрим, у кого раньше.

— Посмотрим.

Четыре года держали Ильина в одиночном заключении. В длинные мрачные вечера и ночи он обдумывал происходящее. Жизнь давила своей неизвестностью, несправедливостью. Ильин не боялся, что «черный буран» своим крылом захватит и его. Сколько людей уже погибло в этом «смерче». Среди них и чекисты-дзержинцы, которые не шли на сделку с партийной совестью, не отступали от правды.

В это время на тысячекилометровых фронтах шла жестокая схватка добра и зла, и самое обидное — ему, бывалому солдату-коммунисту, участнику боев, приходится мучительно сидеть взаперти, слышать грубые оскорбления.

Когда ночью в коридоре раздавался лязг соседней камерной двери и слышался скрип сапог выходящего человека, он знал, что опять повели на допрос Бориса Львовича. На скрип его сапог он обратил внимание еще тогда, на аэродроме. Сейчас шаг его неровный, с аритмией. Как оказалось, недавно в тюрьме он перенес инфаркт. Сколько испытал, но ничто не сломало волю коммуниста. Не скрепил своей подписью ни грана неправды. Счастье, когда имеешь такого друга, который в самую трудную минуту, рискуя жизнью, в бою заслоняет тебя своей грудью. В трудной и тяжелой борьбе друзья не подписали себе приговора, сражались до последнего.

И победили.

Шел 1952 год. Однажды утром Ильина перевезли в Бутырскую тюрьму и там освободили из заключения. Весьма странным Ильину показалось решение особого совещания, которым был оформлен срок

8 лет и 10 месяцев. И все. То есть столько, сколько он пробыл, находясь под следствием.

Хотелось скорее забыть этот кошмар. Уехал в Рязань, занимался строительством двух заводов.

Вскоре Ильин пережил огромную радость: встретил на свободе в городе Щербакове Бориса Львовича Теплинского. Искудавшего, прихрамывающего. Они обнялись. Два взрослых человека стояли и плакали. А когда волнение стихло, Борис Львович достал из стола и дрожащими руками протянул товарищу документ, в котором было сказано всего несколько слов: «Приговор Военной коллегии от 27 марта 1952 года в отношении Теплинского Б. Л. в связи с вновь открывшимися обстоятельствами отменить, и дело за отсутствием состава преступления прекращено».

Теплинский переехал в Москву, ему было возвращено воинское звание генерала авиации. Занялся разработкой важнейших авиационных проблем. Эти мысли нашли отражение в его работе «Об особенностях взаимодействия авиации с наземными войсками и о роли авиации в современной войне», изданной в 1965 году. Фамилия его в сборнике стояла рядом с такими авторами, как М. В. Фрунзе, М. Н. Тухачевский, С. С. Каменев, А. И. Егоров, Б. М. Шапошников, и другими видными специалистами.

В партийном органе Ильину дали копию письма, написанного Б. Л. Теплинским. В нем, как звуки колокола, звучали слова: «Я считаю долгом своей совести заявить, что та ленинская партийность, верность нашей дружбе, которые проявил Ильин в течение пережитых нами обоими страшных девяти лет, является одним из самых высоких проявлений человеческого духа и относится к тем качествам, которыми может гордиться каждый подлинно советский человек».

...Мы встретились с Виктором Николаевичем Ильиным в просторной комнате, заполненной книгами. Стройный, подтянутый, с добрым взглядом. Словно и нет за плечами восьмидесяти четырех лет. Почти четверть века его деятельность связана с Союзом писателей. Много сил Ильин отдал Московской писательской организации.

Только по одним автографам на авторских экземплярах книг — теплых, дружественных, подаренных Виктору Николаевичу, — можно видеть, как писатели высоко оценивают труд В. Н. Ильина, широкий диапазон его лучших человеческих качеств. Возьмем для примера слова двух писателей.

«Дорогой друг, Виктор Николаевич, поздравляю Вас, чуткого, талантливое организатора нашей писательской жизни. Благодарю за все хорошее. Будьте здоровы, счастливы. Ваш Федин».

«Мне хочется сказать Вам о том глубочайшем уважении, — написал К. Симонов, — которое я испытываю к Вам, к тому огромному труду, который Вы вложили и продолжаете вкладывать в наше нелегкое общественное и писательское дело... Вы настоящий человек, человек, отда-

ющий себя людям... Живите подольше и подольше работайте вместе с нами — я очень этого хочу, любя Вас и любя то дело, которое Вы делаете».

И вот еще отзыв.

...В начале 1949 года в одной из камер тюрьмы появился новый заключенный А. Гонтарь. Здесь уже находился В. Н. Ильин. Познакомились.

«Первое время, — рассказывает А. Гонтарь, — я, по правде говоря, растерялся. Мне казалось, что выхода из этих стен нет... Но моим счастьем в этих невероятных условиях было то, что моим соседом по камере оказался Виктор Николаевич. Он понял мое состояние и убедил меня: «Не оговаривай себя и не оговаривай других; правда восторжествует. Ты коммунист и не имеешь права поступать против совести. Я сам чекист и нахожусь здесь потому, что не хотел поступиться совестью...» Почти целый год я просидел с Виктором Ильиным в одной камере, и этот человек стал для меня примером коммуниста, который ни на минуту не переставал верить в справедливость ленинской партии.

В архивах Союза писателей найдутся копии документов за подписью Ильина, в которых он ходатайствовал перед Военной коллегией Верховного Суда о моей реабилитации. Я находился еще в лагере, когда Виктор Николаевич разыскал мою семью и нашел для нее слова утешения. Мне известно, что он помог в реабилитации семьи поэта И. Фера.

Не случайно одно из первых моих стихотворений после реабилитации было посвящено В. Н. Ильину. Оно заканчивается словами:

Меня рукопожатие
спасло
В минуту одиночества
большого!

Это стихотворение опубликовано в моем сборнике «Серебряные нити».

Член КПСС с 1940 года.

Член Союза писателей».

* * *

...Разные были у него встречи. Но эту трудно было даже представить.

— Однажды позвонил завкадрами и попросил меня познакомиться с человеком, который просится на работу, — рассказывает В. Н. Ильин. — Я ответил: пусть, мол, заходит. В кабинет влетел человек и с ходу разложил на моем столе свои документы. «А мы, по-моему, знакомы», — сказал я.

Они знали друг друга. Посетитель поднял глаза, побледнел, быстро собрал со стола бумаги и мгновенно исчез... То был бывший следователь Соколов. Где-то живет рядом.

НАЙТИ СЕБЯ В ТРУДЕ

Такое стало уже привычным, как восход солнца. Люди, спеша по утрам на работу, непременно посматривают, где же Василий Николаевич. На перекрестке не видно, во дворе не встретили. Не заболел ли? Нет, в определенное время — можете проверять часы — Василий Николаевич Крылов появляется на своих дорожках микрорайона. Высокий, подтянутый — идет бодрым шагом, встречая приветливым взглядом знакомые лица.

Разговаривая ежедневно с людьми, Василий Николаевич чувствует, как меняется их отношение к делу, все плотнее становятся трудовые минуты — поменьше пересудов, больше конкретных дел...

Василия Николаевича замечают, приветливо кланяются ему и бодро, сердечно провожают:

— Доброго пути, Василий Николаевич!

Его радует и бодрит трудовой настрой людей, их устремленность к делам. Трудом, творчеством живет человек. Работа дает бодрость, свежие мысли да и чувство достоинства. Человек труда — ось земная, каждое дело им ставится, им славится, с него начинается...

Этой мыслью пронизано все его существо. Вот уже более полувека Василий Николаевич Крылов работает в Москве слесарем-сантехником. Сорок лет на одном месте. За это время его «владения» выросли в несколько раз — взметнулись вверх многоэтажки, пролегли улицы, где раньше были пустыри. Появились новые жилыцы. И, представьте себе, ни одной жалобы на мастера.

Кому-то еще трудно в это поверить. В жилищных службах еще немало любителей «легкой жизни», халтуры, нередко слышишь нелестные слова в их адрес.

Часто можно видеть на участке Крылова «гостей». Походят, распросят жителей и спешат в мастерскую к Василию Николаевичу.

— В чем ваш «секрет»?

— Работать надо лучше. Вот сейчас о перестройке говорят всюду. Один для порядка произносят это слово, а другие глубоко стремятся проникнуть в суть развернувшегося движения, внести свой посильный вклад.

— Но с чего начали работу по перестройке вы?

Подумав, Крылов ответил:

— С себя. Важно не ждать, пока за тебя сработает кто-то, не кивать на других — самому сделать. Не умеешь — научись, спроси, но не перекаладывая на плечи другого. И еще: будь честным перед собой, совестью, перед товарищами по работе. Тогда и найдешь себя в труде, опреде-

лишь свою гражданскую позицию. Давайте прежде всего на себя по-строже посмотрим. По-новому поведем известные уже процессы, отбросим штампы, чувство всезнайства и творчески подойдем к каждой операции, всему производству нашему. Как тогда дело сдвинется вперед!

— А у вас разве не было трудностей?

— Было, и немало...

И разговор сразу о работе зашел.

Вспомнил, как еще в первые годы работы в столице приехал к нему отец — питерский рабочий. Порадовался отец: сын крепким, широкоплечим парнем стал.

На прощание отец спросил:

— Ну, а к чему ты стремишься, Василий?

— Ремеслу научиться, знания пораздобыть.

— Ну-ну, учись... Но где ты будешь брать знания?

— Везде, где они есть. Буду книги читать, смотреть за работой мастеров. И больше думать, жизнь такие загадки ставит, что иногда до полуночи не уснешь.

— Это похвально, — одобрил отец, обнимая сына. Он по своему опыту знал, что в труде вырастают мастера, когда человек работает на совесть. Так Василий овладел основами слесарного дела. Потом послали учиться на водопроводчика. Тогда это считалось редкой специальностью, и брали в ученье наиболее примерных, даровитых ребят.

Зимой 1929 года направили Василия к мастеру Струнину. Круг и строг был он, но с первых же шагов ясно определил линию жизни парня:

— Хочешь быть человеком — учись. Ты — хозяин теперь. Это все надо понять самому, будешь знать — люди оценят. — И, показывая мастерскую, добавил: — Человек живет делом, и если твой труд получит признание — значит, ты на месте, нашел себя. Так что, брат, начинай-ка с себя работу, осваивай шаг за шагом профессию. Я кое-что подскажу, но ты не зевай — бери все, что увидишь, рабочее мастерство — самое дорогое на земле приобретение...

Василию все это западало в память. Днем выполнял задания, а по вечерам изучал инструмент, как им лучше пользоваться. Мастер прав: начинать надо самому и с себя...

Вспоминает один из жильцов. Дело было такое: вода у нас текла из крана. Смотрели мастера, сам я не раз подтягивал гайки. Все напрасно: вода находила дырочку. Но пришел молодой слесарь Крылов. Спокойно принялся за работу. После его ухода кран стал исправно действовать.

Василий Николаевич, выслушав рассказ жильца, улыбнулся.

— Да, был такой случай. Мне он тоже запомнился.

Крылов старался сделать все от него зависящее, чтобы обеспечить жилые дома Москвы водой и теплом.

Как-то в морозный день в распределительном колодце лопнула труба. Оставить целый район без воды? Старый мастер стал готовиться к спуску в шахту, но его опередил Василий. Так, в чем был одет, и вошел в бурлящую ледяную струю, закрыл маховик задвижки. ЧП было ликвидировано, а Василий вышел из колодца в ледяном панцире.

Чаше всего слесари не могли вовремя устранять поломки в помещениях потому, что приходили с пустыми руками.

Василий решил сам создать небольшую мастерскую. Долго собирал трубы, шурупы, болты, гайки. Это вошло у него в привычку.

Началась война, и на второй день Василий ушел на фронт. В одном из писем с передовой Василий писал брату:

«Ужасно скучаю по работе. Подержать бы в руках гаечный ключ или напильник... Но тут чаще всего в руках шанцевый инструмент, чтобы быстрее в землю врыться... Во сне часто вижу разрывы на водопроводной трубе. Порываюсь закрыть дыру, открываю чемоданчик, а там гранаты, рядом винтовка, лопатка. Такие, брат, военные дела...»

Всю войну Крылов прошел от начала до конца, и все время на передовой. Под Старой Руссой подбил гранатами фашистский танк, в боях за Ельню взял в плен немецкого обер-лейтенанта. Получил на фронте пять боевых наград и... шесть ранений. Вернулся домой в 1945 году из Порт-Артура. На другой день попарился в бане в охотку и вышел на работу. Сразу же пошел по квартирам, и всюду его встречали как родного.

Крылов продолжает заниматься водопроводной сетью, системой теплоснабжения. Учит молодых. Все как прежде, но все по-новому. Хозяйство-то стало иным: дом сегодня — это сложный инженерный комплекс, скоростные лифты, автоматические котельные, бойлерные. Забот у мастера стало больше, и ответственность намного возросла. И главное — чтобы безотказно работало это сложное, беспокойное хозяйство, чтобы не жалобы рождало у жителей, а хорошее настроение, уверенность за надежность своего быта.

Молодых работников Крылов учит быстрее найти себя в труде. Уже многие стали мастерами-сантехниками, инженерами, а кое-кто специалистами в исполкомах по жилищному хозяйству.

— Ну, это вступление, — говорит Крылов своим коллегам, — а теперь по существу.

И то, что рассказывает затем Крылов, родилось здесь же в микрорайоне. «Но, — предупреждает Крылов, — все делаем с учетом местных условий».

На участке более 1300 квартир благоустроенных, живут в них, как правило, большие семьи. Сложная система водопровода охватывает микрорайон. Случалось нередко, когда лопались трубы, отказывали краны, и вода заливала несколько квартир. Было такое в первые годы после войны. Трудно ведь охватить сразу все «горячие точки». Какой же выход? Это не давало покоя мастеру-водопроводчику, когда его послали сюда в «трудный» район. Думал, прикидывал, советовался с коллегами.

Появлялись инженеры из управления, научные работники из НИИ. Вместе обсуждали проблемы, спорили, но не приходили к единому мнению.

Жена в эти дни редко видела Василия Николаевича дома.

— Ты как на фронте...

— Ничего, скоро все войдет в норму, — успокаивал Василий Николаевич.

И, собрав свои чертежи и наброски, вечером снова шел в ДЭЗ. Здесь нередко задерживались секретарь парторганизации Василий Иванович Детнев, начальник ДЭЗа Ирина Ивановна Сипайлова. И снова разговоры, споры, как улучшить обслуживание квартир. Много лет они отдали этому делу, ветераны войны, и поэтому особенно болезненно встречают случающиеся ЧП.

— Давайте начнем с воды, — предложил в один из вечеров Крылов. Задумались коллеги: правильно, надо начинать с водопровода.

И вот тогда, волнуясь и переживая, Василий Николаевич изложил свою идею: надо переходить на беззаявочный метод обслуживания. Составил карту профилактического ремонта, график обхода квартир. Есть, нет жалобы — придет, посмотрит. Поговорит о строительстве новых линий водопровода, правилах пользования аппаратурой. Ответит на вопросы. Жители довольны. Ведь часто им такой информации не хватает.

В одной квартире мастер задержался. Чуть-чуть покапывает кран.

— Это же мелочи, — удивился хозяин квартиры.

— Вы так думаете?

— Убежден.

Мастер добавил напор, и по крану потекла тонкая нитевидная струйка. Из-за нее за сутки теряем 500 литров драгоценной воды. А если в масштабе города? Сколько воды утечет? Подсчитайте сами.

— Вы правы, — виновато признал хозяин. — Надо было раньше вас пригласить. Извините.

Собрал группу жильцов. Побеседовал с ними.

— Если на трубопроводе появилась капля, — объяснил он жильцам, — ждите беды. Капля портит краску. А потом и труба лопнет, вода может залить несколько квартир.

Не все, конечно, шло гладко, когда вводился новый метод.

— А вы подумали, — возразил как-то один из инженеров, — где-то льется вода, а до мастера не дозвонишься, он в это время обходит участок да лекции читает о необходимости экономии воды, не зная, что за стеной прямо-таки потоп.

— Такого не случится, если хорошо организуем профилактику, — спокойно ответил Крылов. — По опыту знаю... Ну, а если будет подобный случай, у диспетчера лежит копия обходной карты, он всегда в курсе, где мастер. Кроме того, вы забываете, что при ДЭЗе у нас всегда есть кто-то из учеников. Учтите и то, что в рембригаду входят два

десять человек. Живут они в нашем микрорайоне. Активные общественники. Обучены делу и исправно дежурят.

И видят все, как Василий Николаевич своим примером, душевными беседами воспитывает молодых работников, прививает им уважительное отношение к жильцам. Мало ведь что-то отремонтировать — надо выполнить примерно и в удобные для жильца часы, чтобы человек не терял из-за мастера драгоценное время, у него ведь тоже забот полон рот. Раз обусловлено — минута в минуту явись. В свободное время активисты занимаются в кружках по интересам — изобретают, вытачивают запчасти, из дерева и металла создают поделки.

Сам Крылов внес немало рационализаторских предложений. В свое время много неприятностей приносили резиновые прокладки для кранов. Держат воду месяц-два, а потом выходят из строя. Жильцы замучили диспетчеров звонками. И тогда Крылов предложил делать прокладки из капрона. Соорудил приспособление, достал плитку капрона и стал «выдавливать» эти самые прокладки. Крыловские прокладки держат воду во много раз лучше резиновых. По его примеру многие сантехники заменяют резину капроном. Дали образцы в управление.

— Можно посмотреть на них? — спросила женщина из Ждановского района.

— Пожалуйста. — Крылов протянул ей горсть прокладок. — Никакого «чуда» нет, сами вполне можете сделать. Посмотрите только на мой станок.

Гости старательно стали делать для себя прокладки, ощупывали их, удивлялись:

— Неужели они заменяют резиновые?

— Не сомневайтесь, — успокоил Василий Николаевич, — завтра ставьте и будете год-два спокойны.

В последнее время потянулись к Крылову многие сантехники города за капроновыми прокладками. Но разве на всех сделаешь на примитивном станке? А в управлении не торопятся решать этот вопрос.

Кое-кто из «гостей» задумался. Как все это привести в систему, убедить на месте своих руководителей? Чувствуя раздумья коллег, Крылов сказал:

— Повторю кратко. Мы отказались от вызовов жителей. Согласитесь, звонят, когда, как говорится, уже «пожар». И таких пожаров случается в день десятки, а то и более. Как тут везде успеешь? Да два-три часа уходит на вызов и приход слесаря. Подсчитайте, какие потери несем. И мы решили работать по безнормативному методу. В основе — профилактика. Создали карту. Разработали путь по ней и регулярно ходим по этому маршруту, проверяем, в каком состоянии водное хозяйство. Есть подозрение — сразу же принимаем меры. «Трудные места» держим на особом учете. И, представьте, нет проколов. А значит, и жалоб, тревожных звонков.

— Руководство поддерживает? — слышит Крылов вопрос.

— Весьма активно. И партийный коллектив тоже. Скажу так: дирекция эксплуатации зданий № I, секретарь партбюро В. И. Детнев полностью поддержали новаторскую идею об организации работы по беззаявочному принципу. Так и записали в решении: помогать всем работникам внедрять новый почин. Неисправность-то легче предупредить, чем потом устранить ее.

— Каков же результат? — спросил Крылова один из присутствующих.

— Давайте прикинем. — Лицо Василия Николаевича озаряет легкая, чуть заметная радость. — Вызовов почти не стало. Особенно в последние годы. Одиннадцать домов приняли жильцы на социалистическую сохранность. Там есть свои кадры общественников-сантехников. Чуть что, они сами мастерами исправят неполадку. Имеют запас инструмента и материалов. Но, скажу прямо, их редко беспокоят. Профилактика действует. Хорошо бы дать новому методу широкий ход.

— А как же вы смело пошли на такое дело?

— Вопрос требует прямого ответа. Ну, я, как старый коммунист, не привык отступать, говорить экивоками, намеками, скажу прямо: если не я, то кто же другой выступит с новым методом? К этому призывала партийная совесть, подталкивал опыт. Я чувствовал, что так поступать — мой долг, ведь уже более полувека работаю в жилищном хозяйстве, отмечен рядом высоких правительственных наград. И пришел к выводу: надо начать первым, а там товарищи, руководители поддержат, и дело пойдет. И я не ошибся. Сделаны пока первые шаги. Но ведь они самые трудные. Не так ли?

— Правильно, Василий Николаевич. Вот получить бы научную разработку метода.

— Вы правы. Нужны и рекомендации. Но, думаю, этим должны заниматься специалисты, поставить все дело на научную основу. И вообще нам, работникам коммунальной службы, надо покрепче установить связи с научными силами. Неясных вопросов уйма.

Проводив коллег, Василий Николаевич неторопливо направился в помещение ДЭЗа. На диване раскинул карту-схему, свои разработки метода и задумался: «А поняли ли они главное в нашем деле?»

— Ты о чем там? — поинтересовался секретарь партбюро.

— Опять приходила большая группа. Рассказал, как работаем. А ведь условия-то работы разные. Все старался как на ладошке представить. — Крылов повернул ладони вверх. И так, и этак. Одни быстро схватили и, уверен, завтра же возьмутся за дело. Большое внимание у них и к «мелочам». И справедливо: не заметишь мелочь, потом будешь иметь дело с серьезным провалом. Вот, скажем, появилась ржавчина на трубе. Не проходи мимо, может вызвать большую беду: треснет труба, вода пойдет хлестать потоком. Такое не раз случилось в прошлом.

— Учтем это, — говорили товарищи во время беседы.

Поняли, что сердцевина работы по-новому — облегчить заботы жильцов. Ведь что мы ни делаем, должны видеть человека, всегда быть обращены лицом к нему, его интересам. Беречь драгоценное время каждого жильца. Спрашивают: как улучшить стиль?

— И что ты ответил?

— Сказал просто: надо улучшать отношение к делу, все выполнять по совести, сокращать затраты труда, а делать больше. Делать не для видимости, не для «галочки».

— В основном правильно,— заметил Василий Иванович Детнев. — Но стиль — это человек, и вот нужно помнить человеческий фактор. Начинать с него. Воспитывать, учить каждого, чтобы идеи, выдвинутые партией, прошли через сердце, стали твоим сознанием, убеждением, маяком в жизни. Вот в чем суть вопроса. Тогда и сам задумаешься, как улучшить дело, навести порядок в своем хозяйстве. Ведь где порядок, там крепко стоит дом. Тогда и дело пойдет споро. Верно говорят: кто сам ко всем лицом, к тому и добрые люди не спиной.

— Не все еще это поняли. Смотришь — один слушает тебя чутко, внимательно, а мысли другого где-то бродят далеко. И видишь, как обращается он к другу: «Коля, сходим сегодня на футбол, знаешь, какая будет заварушка!» Говорят на встрече о важном. Ты всей душой пытаешься новинку продвинуть, а у этих в голове только футбол, да разные забавы. Как же такой возьмет себе на вооружение новое, передовое? По-прежнему будет шиворот-навыворот делать все.

— Работники жилищно-коммунальных учреждений,— раздумчиво продолжал Крылов,— действительно требуют особого внимания, индивидуального подхода в воспитании, строгого контроля. Работают они ведь часто в одиночку, слабо влияние коллектива. А задач государственных много: вот возьмем экономию воды. Редко слышишь убедительные, основанные на фактах слова об этом. Бережливость воды еще не стала нормой.

Часто можно видеть таблички: «Уходя, гасите свет», а вот напоминания об экономии воды нечасто встретишь. Да и некоторые водопроводчики спокойно смотрят, когда льются буквально ручьи водяные по улицам. Почему? Тут, чувствую, нужно усилить нравственное воспитание. Понимаю, воспитывать следует словом и примером, но не меньшее значение имеет и материальное воздействие на работников. Вот допустил много «проколов» в работе — снизить зарплату, а достиг вершин, нет жалоб жильцов, тут правильно будет поощрить более высоким окладом, премией. По справедливости. Как партия учит. Как работаешь, так и поучай.

— Будет совещание,— добавил в конце Василий Николаевич,— обязательно поставлю этот вопрос.

Конечно, особая забота у Крылова о зиме. Бывают и в городе большие холода. Надо их встретить подготовленными, чтобы не допустить замерзания водопроводных труб. Это — страшное дело. Но ведь кое-где

еще встречается, и люди долго мучаются. И тепло надо уметь дать в норме. На улице пока тепло, и порой люди забывают о зимних морозах. Здесь, в небольшой комнате, сейчас хорошо, уютно. Так должно быть и в каждой квартире зимой.

На широком столе карта с надписью «Подготовка к зиме». Над ней работают коммунисты — сотрудники ДЭЗа. Обсудили план работ на заседании партбюро. Выяснили, что уже сделано к холодному сезону, а какие меры надо еще принять. И оперативно все сделали. Такой порядок ввел еще Крылов, когда много лет был секретарем партийного бюро. Заранее, в начале лета, разворачивали подготовку к зимним холодам. Так поступают и теперь. Первым слово берет Крылов:

— Мы прошли уже по всему «квартирному лабиринту», побывали в каждом жилище. Посмотрели технику. «Красные точки» — это места профилактического ремонта, который закончили в августе, и тогда все коммуникации уже были готовы к зимнему сезону, и, думаем, как обычно, практически исключим аварии на всех обслуживаемых тепловых узлах... Наши карты профилактики взяли соседи. Мы ходили смотреть. Карты-то есть, а регулярный осмотр да ремонты не ведутся.

Да, тут и мастера виноваты, применили новый метод, но не организовали дело по-настоящему, забыли о профилактике...

Вдруг Василий Николаевич прервал выступление, смахнул крупные капли пота с широкого лба и, морщась, стал поглаживать грудь и руку. Сидевшие за столом насторожились. Что такое?

— Вот беда, эти проклятые раны не дают спокойно прожить ни одного дня. Заныли опять, осколки стали давить. Завтра жди дождя. Ну да ладно, черт с ними... Вернемся к делу, — и, преодолевая боль, спокойно, неторопливо продолжал прерванную мысль... Первое — надо навести порядок в структуре жилищно-коммунальных учреждений. Чтобы сделать ремонт, днем с огнем надо искать работников РСУ, а у нас нет специалистов — один кровельщик на 67 тысяч квадратных метров кровли. Разве успеет он все сделать? Приблизить надо структуру отрасли к жильцам, сделать более мобильной. И еще один вопрос волнует. Правда, не первый раз его поднимаю, а пока толку мало...

— О материалах, наверно? — спросила начальник. — Как бригада ремонтной бригады, ты это острее чувствуешь. Бригада-то невелика — шесть единиц, а дел к осени всегда уйма. Спасибо активистам-общественникам. Приходят ко мне. «Как дела?» — спрашиваю. «Делаем, как Крылов», — отвечают. Так мы их и учим.

— Да, — вернувшись к предыдущему разговору, строго подчеркнул Крылов. — И буду до тех пор говорить об этом, пока не станут снабжать нас добротными запчастями, материалами, хорошим инструментом. Почему в отношении коммунальщиков до сих пор действует «остаточный» принцип снабжения? Возьмите, мол, что останется. А ведь обычно мало что остается. И почему целая отрасль должна побираться? XIX партконференция КПСС строго осудила такой подход. По-рабочему, по-соци-

алистически. Непорядок это, и пора с ним кончать. Мы же беспокоимся, чтобы люди жили в благоприятных условиях, не знали лишних забот и нужд. Перестройка, ускорение — мы живем этим, а в нем главное — люди... Они живут в домах, там растут семьи. И чтобы были для каждой семьи, человека условия для жизни, роста, учебы, отдыха, надо больше думать нам, коммунальщикам. И прежде всего коммунистам. Маловато еще партийцев в отрасли. Я думаю, что надо усиливать партийное влияние в жилищном хозяйстве, в воспитательной работе по месту жительства.

Далее разговор пошел о том, что сеть объектов и сооружений водопровода, тепловых линий — все это надо содержать в порядке. Так почему же жилищно-коммунальное хозяйство поставлено в «непроизводительную» сферу? От этого дело страдает, сковывается инициатива, велика текучесть кадров. Отрасли нужна новейшая техника.

— Эти проблемы обсудим на общем партийном собрании, — заметил секретарь партбюро В. Детнев. — Свои соображения передадим в райком партии. Много жалоб также на РСУ, качество работы их невысокое, и порой трудно найти, кто за что отвечает.

— Не забыть бы, Флора Каюмовна, — обратился Крылов к новому начальнику ДЭЗа Семенушенковой, — что следует быстрее менять тепловые линии. На пересечениях электролиний и теплотрасс «блуждающие токи» разрушают металл. — Развернув карту, Крылов продолжал: — На днях мы осматрели ряд линий и теплотрасс. И были озабочены. Для водных артерий это бич. И часто лопаются трубы зимой. Хорошо бы летом быстрее изолировать трубы, отвести их подальше от электрокабелей. Знают об этом в министерстве и городском жилищном управлении? Наверно, но меры пока не спешат принимать. Больше шлют комиссии для проверки инструкций, часто давно устаревших.

Большими заботами сегодня живет слесарь — коммунист Василий Николаевич Крылов. И проблемы эти важные, назревшие, их надо решать ответственно, чтобы быстрее двигаться вперед. Заботы общие для всех — от слесаря до министра. Социальная сфера выдвинута у нас на передовую линию, ее назначение велико — облегчать жизнь людей. Это сфера добра, предоставления человеку жизненных благ. И, конечно, работу ее, убежден Крылов, следует быстрее «подтягивать» до уровня передовых отраслей.

Мысли его постоянно заняты перестройкой отрасли, стремлением подтянуть ее на передовые рубежи. Вместе с товарищами он сейчас обдумывает вопрос о содружестве, тесной совместной работе водопроводчиков и электриков. Много предложений рождается, как лучше держать в чистоте и порядке лестницы, дворы и скверы домов. Тут нужны машины — удобные, легкие, красивые. Старые громоздки, да и мало их «Унемоги» — прозвали коммунальщики уборочные машины. Убирают снег только по прямой, а в закоулки, переулки не могут зайти. Лед не

берут, а снег лишь гладят, не могут прижать, отбросить в сторону. И коммунисты думают об агрегатах.

Василий Николаевич со своими помощниками, энтузиастами — техниками разрабатывают агрегат, чтобы навести идеальный порядок во дворах и не тратить для этого лишних сил и времени. Работает одна группа и над регулятором теплой воды.

— Важен же первый шаг, — неторопливо, раздумчиво говорит Крылов. — Вот, помню, на фронте — надо идти в атаку. Кругом вихрь осколков и пуль. И солдаты, в первую очередь коммунисты, понимали: важно, первым перескочив окоп, возвестить громовым «ура» о наступлении. Так и теперь требуется, чтобы мы были людьми первого шага, брались смело за новое, передовое и все решительнее ускоряли движение вперед.

Вечером Крылов показал мне музей при ДЭЗе № I Фрунзенского района столицы. Музей взволновал. Это какое-то рукотворное чудо. В нескольких цокольных комнатах, облагоустроенных светлыми тонами краски, собраны материалы о тех, кто живет и жил в домах микрорайона. Удивительная повесть об удивительных людях! Здесь все создано руками работников ДЭЗа с помощью комсомольцев и коммунистов микрорайона. Сюда приходят на экскурсии школьники, студенты. Перед ними выступали Алексей Маресьев, герой боев в Испании летчик-генерал Иван Лакаев, мастера хоккея и футбола.

Большой стенд посвящен Василию Николаевичу. На нем рассказывается, как Крылов героически воевал на фронте, как стал мастером сервиса. Если раньше подтрунивали над словом «услуга», то теперь она обретает авторитет, и прежде всего делами и стараниями таких людей, как Крылов.

Шагая по музею до позднего вечера, мы с Василием Николаевичем немало переговаривали о социальных проблемах, о том, как быстрее их решать. Тут опыт Крылова весьма полезен.

— Как поднять класс сферы услуг? — переспросил меня Крылов, когда мы уже прощались. Он остановился и задумался. Хорошо, что над этим сейчас работают многие. Надо преодолеть инерцию, в силу которой отдельные работники относят эту отрасль к заботам второго порядка. Не учитывают, что с помощью сферы услуг формируется не только наш быт, но отчасти и образ жизни и мыслей, укрепляются доброжелательность, коллективизм. Ну, и главное — лучше, более творчески человек трудится, когда не отягощают его жилищные, бытовые заботы.

Социальные сдвиги, которые намечает партия, могут быть достигнуты только при нашем активном участии — каждого на своем месте. И надо видеть, как работают конкретные лица. Не кивать на кого-то, а спрашивать с каждого: взял ли он всю полноту ответственности за перестройку по-новому? И сделать жизненным правилом каждого дня и дела: начни с себя, иди первым.

За честный труд, заботу о жильцах, уважение и любовь к людям коммунист Василий Николаевич Крылов удостоен звания Героя Соци-

алистического Труда. Порой кто-нибудь из незнакомых людей поинтересуется: «На какой ударной стройке получил Золотую Звезду?». Крылов не удивляется вопросу, а с достоинством отвечает: «Нет, не на стройке. За работу сантехником...» Вот уже более двадцати лет носит он это высокое звание.

ЖИЗНЬ БЕЗ СКИДОК

Операция шла шестой час. Медики делали ее молча, внешне спокойно, хотя чувствовалось, что их нервы напряжены до предела — шла битва за человека. Шесть часов на грани жизни и смерти. Они верили в опыт и талант Вениамина Игнатьевича Маслова, но подобной ситуации еще не встречалось...

Когда прославленного героя-летчика генерала Владимира Лавриненкова привезли в госпиталь, академик Александр Александрович Вишневский пригласил Маслова. Нужна операция, сложная. В груди больного большая опухоль. Она давит на легкие, аорту, и человек задыхается.

Жизнь давала Лавриненкову немало испытаний. Никогда не уходил он от трудностей — преодолевал их. Жил, как говорится, без скидок, не искал легких путей. По правде говоря, такой линией в жизни гордился. И вот академик предлагает операцию.

— Согласен, — коротко ответил Лавриненков.

Что было дальше, рассказали уже врачи. Когда Маслов разрезал грудь летчику, подошел Александр Александрович, внимательно все осмотрел и, подумав, распорядился: «Зашивайте». Выходит, безнадежно. Маслов взял уже иголку, но остановился, устремив острый взгляд на академика. «Разрешите операцию довести до конца, — тихо вымолвил. — На мою ответственность». Секунды напряжения. «Я прошу». — «Продолжайте, но...»

Закончив операцию, Маслов тяжело сел в кресло, закрыл глаза. Он уже не слышал, как сестры, перешептываясь, увезли летчика в палату. Преодолевая смертельную усталость, врач медленно поднялся, хотелось узнать, как себя чувствует больной.

...В юности человек, если он не перекасти-поле, ставит перед собой добрую цель и идет к ней. Одни, правда, в прекраснодушных мечтах, другие же упорно, шаг за шагом, делами приближают ее осуществление. Еще мальчишкой Володя Лавриненков увидел самолет и решил непременно стать летчиком. И не просто «налетывать» часы и километры, а покорить голубой океан, быть в нем, как птица.

Попал как-то на аэродром. Видит — шагает со шлемом в руках высокий, подтянутый человек, только что сделавший посадку на самолете, ну, прямо-таки бог. Подбежал к нему и выпалил с ходу: «Можно и мне

стать «человеком-птицей»?» — «Можно, — улыбнулся летчик. — Только надо много знать. Ну, и характер сильный иметь». И Володя стал «набирать» знания. Окончил школу ФЗО. Поступил в Смоленский аэроклуб. Учиться, работать, летать — этот жизненный девиз, как потом понял, лучше всего способствовал закалке воли. Видимо, он и помог с отличием окончить авиаучилище.

Когда началась война, Владимир был летчиком-инструктором, учил курсантов. 22 июня перешли на боевое положение. Владимира звал фронт, и он подает рапорт за рапортом...

Вскоре пришел черед истребителя Лавриненкова. Его послали на защиту Ростова, и в первый же день попал, как вспоминает, словно в «собачью свалку». В яростном огненном клубке сцепились три десятка самолетов. Все перемешалось. Увидев рядом «мессера», Лавриненков дал очередь, да такую длинную, что сразу разрядил весь пулемет. А «мессеры» наседают. Бросил резко «ястребок» вниз, к плавням, и, уходя на бреющем полете, чудом вывернулся из «клещей». При посадке выяснилось, что немецкий снаряд разбил правое колесо. Сел с трудом. Конфузясь, рассказал обо всем товарищам. Горький урок, но пошел он впрок.

Крещение огнем было нелегким, но только в нем познал глубины воинского мастерства. Вскоре пришел и успех. Кинжальной атакой Лавриненкову удалось срезать самолет прославленного гитлеровского аса, награжденного тремя крестами. Вышшую же академию боевого искусства прошел в небе Сталинграда. Волнуясь, Владимир Дмитриевич рассказывает, как летал рядом с Львом Шестаковым, Амет-хан Султаном, Алексеем Алелюхиным, Михаилом Барановым — соколами, навсегда вписавшими свое имя в небо Родины. В одной схватке бесстрашный Амет-хан выпрыгнул из подбитого самолета с парашютом. Пока он приземлялся, Владимир летал вокруг, прикрывал товарища. В это время Лавриненкова ранило.

Быстро рос боевой счет, и прежде всего потому, что навстречу врагу выходил не просто храбрец, а человек светлой идеи, твердой воли, овладевший новейшей техникой, много знающий, много думающий. Как-то во главе восьмерки «ястребков» Лавриненков прилетел на «пяточок» рядом с линией фронта. Сели истребители скрытно, притаились. И когда появились «юнкерсы», на них снизу, точно огненные молнии, ринулись «ястребки». Расстреляв вражеские машины, они так же внезапно исчезли. Вскоре снова совершили дерзкую атаку. Потом опять...

Риск? Невиданный. Но он был оправдан. Изобретательные действия летчиков вызвали восхищение командующего фронтом Ф. И. Толбухина, и он наградил Лавриненкова именными золотыми часами. Получая награду из рук командующего, Владимир не мог тогда подумать, что его позывной «Сokol-17» вспомнит потом Толбухин при необычных обстоятельствах...

Без скидок Лавриненков прошел все «адовы круги» войны. Было это на Украине. Собираясь на аэродром, Владимир надел старую, выгоревшую гимнастерку, а другую — с орденами и Золотой Звездой — оставил в общежитии, девушки-дежурные обещали постирать ее, шуточно бросив вдогонку: «Не забудь, вечером будут танцы». Не забыл он, но... Расстрелял в бою все снаряды и патроны, а фашистский самолет «Фокке-вульф» уходит. 26 самолетов он уже сбил, а этот уходит. Обидно, до боли горько. В ушах звучал приказ командарма: «Любой ценой сбить вражеского разведчика!» И Владимир решился на самое дерзкое — таран. Крылом резанул по хвосту «рамы», и она, вспыхнув, пошла вниз. Лавриненкова бросило вперед, он ударился грудью о приборную доску...

— Как вы ударились? — в который раз слушая рассказ Лавриненкова, вдруг спросил академик Вишневский. — Покажите-ка...

Потом долго-долго раздумывал. Смотрел снимки, анализы. Наконец, твердо сказал: «Это — тяжелое эхо войны». Толчком к зарождению опухоли явился удар в грудь, когда таранил гитлеровца. Не заметили вовремя потому, что Лавриненков избегал обследований. Много дней после операции продолжалась борьба за жизнь. То вспыхивала надежда на успех, то гасла. «Надо победить и этого врага, — думал сам Владимир Дмитриевич. — Тогда, в войну, было труднее, а выдержал хватку».

И он вспомнил, как, вывалившись из самолета, дернул кольцо и над ним раскрылся спасительный парашют. Спасительный ли? Внизу с автоматами бежали гитлеровцы. Летчик временами терял сознание, из горла шла кровь. Когда коснулся земли, его цепко схватили враги и поволокли в штаб. Сознание, возвращаясь, требовало: бежать! С первых же минут так решил, и от этого стало легче. Дознавшись, что Лавриненков — Герой Советского Союза, его отправили в Берлин. Везли поездом под усиленной охраной. Был с ним еще раненый летчик Карюкин. Друзья стали готовить побег. Приметили: в вагоне отдельные входы в каждое купе. Стемнело. Держа руки на автоматах, гитлеровцы начали дремать. Летчики глянули друг другу в глаза: наш час! И теперь через десятилетия, вспоминая о побеге из плена, Владимир Дмитриевич замечает: «То был самый тяжкий момент в жизни. Не рассчитай на мгновение — и четыре автоматные очереди в спину! Но все-таки бежать, ибо оставаться в плену — позор».

Бешено рванув дверь, Лавриненков стрелой выскочил из вагона, улекая за собой слабеющего Карюкина. На полном ходу поезда бросились в темноту. Глоток свежего ветра, ветра свободы. Над головой прогремели запоздалые очереди...

Потом долго шли на восток, переплыли ночью Днепр и здесь, в лесах, встретили партизан. Ходили с ними на боевые задания. Виктор Карюкин погиб в схватке с карателями, а за Лавриненковым прислали самолет, и он вскоре оказался в своем полку, в объятиях друзей. О мужестве Лавриненкова знал уже командующий фронтом. Вызвал к себе, расспросил, как все было, а на прощание сказал:

— Уверен, что «Сокол-17» еще не раз прославится...

Но в полку долго не выпускали в полет. То говорили, что надо тренироваться на учебном самолете, то, мол, следует отдохнуть. А Лавриненков, как никогда раньше, рвался в бой. Но, оказывается, шла проверка — кто-то ему не доверял. И надо было стоически выдержать это горькое состояние. Шли недели — и вот, наконец, снова в кабине самолета. Он бьется с врагом над Крымом, Днепром, Каунасом, Кенигсбергом. Уже будучи дважды Героем, командиром полка, летает бок о бок с французскими летчиками из полка «Нормандия — Неман». Счет сбитым самолетам перевалил за сорок. Боевой путь закончился в поверженной гитлеровской столице.

На другой день после Победы для Лавриненкова началось новое испытание, и, как сказал командарм, «не менее трудное, чем военное». Его послали учиться в академию. Расстроился, когда узнал, что учиться придется в общевоинской, «пехотной» академии. Но опять прозвучало это требовательное «надо», время повелевало готовить военачальников широкого профиля. И Лавриненков с присущими ему упорством, энергией брал новые рубежи. То же делали Александр Покрышкин, Иван Кожедуб, Алексей Алелюхин. Потом в тридцать лет командовал авиадивизией.

Спустя многие годы узнали мы, что машины с таким звучно-крылатым названием — МИГ — «учил летать» вместе с боевыми друзьями Лавриненков. Когда-то об этом будут написаны книги и созданы кинокартины, а пока генерал-полковник авиации Лавриненков вспоминал, как штурмовали неизвестность. Нелегко рождались те реактивные истребители, которых ждала мировая слава. Лавриненков вылетал на этих машинах, когда уже давала знать боль в груди, но он не любил «беспокоить» медицину, побеждая силой воли свои тревожные ощущения и усталость...

Затем опять учеба — уже в академии Генерального штаба, командование крупными соединениями. Занятия, маневры. Учит молодых орлят. Сколько птенцов, выпорхнувших из «гнезда» Лавриненкова, стали асами-истребителями! А сам он в расцвете творческих сил очутился на госпитальной койке. Долгие тяжкие месяцы испытаний. Кто победит? Человек или... Но Лавриненков даже не допускал этой мысли... И вот вырвался из второго в своей жизни плена — опасной болезни.

Говорил еще шепотом, был слаб, но попросился на работу. Отпустили. И работа оказалась хорошим лекарством. Как и прежде, с увлечением отдался служебным и общественным делам. Встречался с молодежью, ветеранами войны. Написал две книги-исповеди солдата свободы.

Это была жизнь без скидок, жизнь бойца-коммуниста.

ЧЕКИСТ ИЗ «БУРИ»

— Значит, опять в пекло? — выслушав доклад рослого, с пронизательным взглядом офицера, сказал генерал, жестом приглашая его к столу. — Читал ваш рапорт и понимаю, что сердце чекиста рвется туда, где побратимы бьются с врагом... Отряд называли «Буря»?

— Да, так решили, — сообщил сидевший за столом полковник. — Самое подходящее имя для отряда Николая Михайлашева. — И, раскрыв карту, пояснил: — Красные значки — дела отряда и групп Николая Афанасьевича. Пушечы под откос десятки поездов. Уничтожен в Гомеле узел связи ставки Гитлера с восточным фронтом. Взорвана электростанция. Ну и изрядно почистили гомельскую землю от агентов и диверсантов рейха. Проникли в контрразведку гитлеровцев, добыли ценные сведения...

— Что ж, пусть сильнее грянет «Буря»! — заключил генерал и по-отцовски тепло пожал руку офицеру.

... Вечером отряд прибыл на аэродром.

— Узнаешь? — спросил Федор Лопачев.

— С трудом, — улыбнулся Николай. — Изрядно «перепахали» его бомбами наши летчики. Целая гора, прямо-таки Монблан разбитых вражеских «фоккеров» и «мессеров».

К этому приложили руку и друзья-чекисты. Оказавшись в тылу врага, они установили связь с подпольщиками, смелыми патриотами. Так узнали, что возле Гомеля был сооружен ложный аэродром, сделан он довольно искусно, и наши летчики не раз ночью бомбили фанерные «юнкеры», а в это время из Зябровки, сбросив маскировку, вражеские самолеты улетали бомбить наши позиции.

Михайлашев проверил сообщение. Все было так. Он доложил в Центр. И через два дня, когда в Зябровке появился большой отряд гитлеровской авиации, ночью на аэродром налетели наши бомбардировщики. С земли ракетами им указали цели, и аэродром подвергся мощному удару советской авиации.

Николай и его разведчики заметили: когда над деревней Прудок ночью пролетали наши бомбардировщики, откуда-то на них внезапно обрушивались залпы зениток. «Что за чертовщина?» — недоумевали чекисты. Ходили к деревне партизаны, а потом сами лично провели разведку — ничего не обнаружили. Николай как-то заговорил с сельскими ребятами.

— Кто стреляет? — удивились они. — Батарея вражеская, вот она, у прудка.

Как ее быстрее уничтожить? Задумались чекисты. Зенитчики постоянно на посту. Продолжая встречаться с юными подпольщиками, Николай уловил в разговорах, что это может сделать Надя Акулич. Их познакомили. Комсомолка, отца расстреляли гитлеровцы. Она сама вызвалась на это дело.

Было известно, что командир батареи не раз пытался проводить ее. И тогда созрел план. Подпольщица положила в карманы три магнитные

мины. Моднo одетая, она пошла мимо батареи. К ней подошел офицер. Стали прогуливаться. Офицер предложил показать батарею. И когда стояли у орудий, девушка незаметно приклеила к стволам две мины. Потом такую же мину оставила в складе.

Ночью раздался сильный взрыв, который уничтожил все орудия и тысячи замаскированных снарядов.

Незадолго до войны Михайлашев начинал чекистскую работу в Белоруссии. В то тревожное время ему удалось задержать нескольких опасных шпионов. Трудной была схватка с матерым агентом Кристманом. Но все же победил его Михайлашев. В горячих схватках закалялся характер молодого чекиста. Он вырабатывал в себе черту — любой ценой выполнять задачу. В июле 1941 года с истребительным отрядом он ушел в тыл врага.

Переодевшись в гражданскую одежду, лесными стежками двинулись в путь; нарушали вражеские линии связи, ловили лазутчиков, обстреливали обозы. Как-то втроем наскочили на мотоцикл с вооруженными гитлеровцами. «Куда идете?» — подошел фашист с автоматом. «Домой, в деревню», — ответил Николай и подал паспорт. Поливстав его, гитлеровец сорвал с головы фуражку и стал трепать за волосы.

— Лейтенант?

— Нет, учитель я, — ответил Николай, но гитлеровец, не слушая, уже повернулся к Лопачеву, глянул на его хромовые сапоги и выкрикнул:

— Тоже лейтенант!

Николай, чувствуя, что остались секунды, незаметно взялся за пистолет. Михайлашев первой же пулей свалил офицера, а затем трем — гитлеровца с автоматом. Водитель мотоцикла бросился в кусты...

После одной из схваток пришлось четверо суток пробыть в болоте. У Николая воспалилась рана, поднялась температура. Наконец выбрались на сухое место. Федор в деревне раздобыл продукты. Неделя, другая, а Николай не может подняться.

— Иди, Федя, — уговаривал он друга, — ищи отряд, действуй

— Нет, — отрезал Лопачев, — чекисты не бросают в беде товарищей.

Набравшись сил, двинулись в путь, в Чечерские леса. Там встретили верных людей, те связали их с подпольным райкомом партии. К ним примкнула группа подпольщиков, руководимых Тихоном Коротким. Вскоре организовался партизанский отряд. Михайлашеву и Лопачеву подпольный обком поручил заниматься партизанской разведкой, контрразведкой и диверсионной работой.

Первая забота: где достать оружие? Кое-что захватили в стычках с врагом. Чекисты попросили жителей поискать оружие. Молва об этом пошла по деревням, и вскоре в отряд стали поступать винтовки, пистолеты, гранаты, пулеметы. Даже притащили миномет. А вот мин нет. Колхозники указали адрес: штабеля на берегу Сожи. С группой партизан и местных жителей Михайлашев поехал туда, но не так-то просто

было взять мины, скованные льдом. С ювелирной осторожностью Николай стал обкалывать первую мину. Группа в это время стояла за деревьями. Удачно! Одна, другая, третья... Потом за дело взялся Федор. Большие сани загрузили снарядами.

Отряд рос, и теперь стали проводить более глубокие рейды. Получив данные от разведчиков, громили комендатуры, управы, ловили гитлеровских чиновников, предателей, а однажды даже попалсяследователь «по особо важным делам».

Партизанам досаждал крупный гарнизон деревни Маленик. Там собирались отпетые грабители и убийцы. Решили взять хитростью. Оставив на опушке взвод, Михайлашев с пятеркой отчаянных ребят, переодетых в немецкую форму, появился возле полицейского участка.

— Где староста? — грозно набросился на полицейав Коля Гетин, одетый в форму офицера СД.

Через минуту появился староста.

— Что прикажете, господин офицер?

— Порядка нет. Построить гарнизон.

Партизаны окружили полицейских. Офицер скомандовал: «Положить оружие!» Обезоруженных полицейав отвели в сторону. Под стражей партизан они сникли. Но чутье подсказывало: «Такие жалкие они от страха. Не было страха, когда у селян забирали продукты, вешали коммунистов, отправляли в концлагеря активистов. Попадись в их грязные лапы, без раздумья поволокут и тебя, продадут своим хозяевам».

Побеседовали с людьми: все требуют уничтожить изменников. Предатель не нашло возмездие.

Все село трогательно провожало партизан.

Когда отряды получили рации, чекисты стали чаще посылать разведдонесения в Центр. Десятки патриотов-разведчиков снабжали их ценными сведениями. Беззаветно храброй и способной разведчицей проявила себя Мария Ильинична Романцева. Мать троих детей, она беспощадно мстила гитлеровцам, выполняла рискованные задания.

— Зря не рискуйте, — предупреждал ее Николай Афанасьевич.

Вокруг нее, соблюдая строгую конспирацию, действовали десятки групп молодежи. Чекисты оберегали их, учили искусству борьбы с агентами гестапо, полицейскими, устраивать диверсии.

Стало известно, что через телефонную станцию в Гомеле идет связь ставки Гитлера с восточным фронтом. Любой ценой уничтожить — было решение. Но как?

Подпольщики установили за узлом наблюдение. Однажды Николаю донесли, что в здании появилась группа молодежи в немецкой форме. Кто эти курсанты? Вскоре с одним из них в деревне Саньково удалось встретиться. Вася Васильков приехал сюда из Добруша. Разговор был долгий. Узнав все о парне, Михайлашев спросил:

— Значит, решил стать фашистским холуем?

— И вовсе нет, — вспыхнул парень, — угоняли в Германию...

Долго молчал, а потом признался:

— Хотел я уйти к партизанам, да боялся, не примут в этой шкуре. Подумают, предатель...

— Можно бороться с врагом и здесь, в городе. Кстати, что это за школа у вас?

Вася рассказал, что курсанты живут в казармах, учатся прокладывать подземные кабели. В помещение имеют доступ несколько человек. Кто? Вася назвал своего друга — рыжеволосого крепыша Ивана. «Самый надежный парень», — сказал. С ними и стал работать чекист. Решено было заложить взрывчатку в нишу, из которой выходил кабель.

Несколько недель шла подготовка. Выдержат ли ребята? Наконец Вася поездом привез тол, а Иван с взрывчаткой двенадцать «рейсов» совершил в здание.

Наступило утро, а взрыва не произошло. Что же случилось? Вечером сестра Васи Татьяна пришла на встречу с Михайлашевым: «Вася сказал, что нужен новый взрыватель». Тут же с новым взрывателем Таня отправилась в Гомель.

Взрыв произошел через двое суток и был такой мощный, что уничтожил весь узел, нарушил надолго магистральную линию связи гитлеровцев. Фашисты искали подрывников. Но все было тщетно. Молодые мстители уже были на партизанской базе...

Кругом ночная мгла, мерно гудит самолет. Дремлют Сергей Алфеев, Николай Гетин, Николай Максимов, Виктор Попов... Все они прошли «школу» Михайлашева и стали бесстрашными, искусными разведчиками-подрывниками. «А не взять ли в отряд Бондаренко?» — заметил Федор. «Нет, — ответил Николай, — он уже в Красной Армии». Да, о Бондаренко ходили легенды. Он с группой солдат из охранный роты перешел на сторону партизан. Чекисты помогли ему смыть позор служения врагу. По их заданию он участвовал в проведении нескольких крупных диверсий. Была подорвана электростанция. Бондаренко действовал героически и в армии, за что награжден орденами. После войны он стал почетным шахтером.

...Самолет вдруг стало бросать, как на волнах. Рядом разрывались снаряды, скрещивались лучи прожекторов. Вышел из строя один мотор. И в это время команда: прыгать. Быстро собрались на земле — и в отряд. А через несколько дней между Сморгонью и Солами загрели взрывы. Каждые сутки летели в воздух поезда с солдатами, танками. Центр горячо благодарил: чувствовали чекисты, какая это помощь советским войскам, готовящимся к большой операции. Обычно группы действовали ночью, а именно в это время гитлеровцы выставляли самую сильную охрану. Где же выход? Надо подрывать поезда днем. Но днем трудно подобраться к полотну, всюду охрана. Кто-то предложил:

— А если переделать мины?

— Как? — задумался Михайлашев.

И нашли-таки выход. Мины срабатывали в нужное время. Отряд «Буря» пустил под откос 43 вражеских эшелона. Даже главный палач Вилейщины — начальник СД Граве оказался под обломками взорванной машины... Гитлеровцы всюду вывесили объявление: награда в 100 тысяч марок ждет того, кто живым или мертвым доставит «парашютиста в сером комбинезоне». В таких комбинезонах выходила на задания группа Николая Афанасьевича Михайлашева. Но чекист и его боевые друзья были неуловимы: они же добыли и передали на Большую землю особо важные документы о расположении противника, его укреплениях, сведения о вражеской агентуре.

Перед операцией советских войск «Багратион» три дня не умолкала «рельсовая война», в нее включились все отряды мстителей. А когда появились советские танкисты, отряд «Буря» помог им разгромить зенитные батареи и освободить город Сморгонь...

После победы Н. А. Михайлашев продолжал работать чекистом, и схватки на невидимом фронте для него продолжались еще более тридцати лет. Сегодня седоватого подтянутого полковника с добрым взглядом пронизательных глаз часто видят в школах, среди молодежи, солдат, и юность с душевным волнением слушает его рассказы о тех, кто, не щадя жизни, выполняя свой сыновний долг, был прочным щитом и мечом Отчизны.

ШЕСТЬ ТАНКОВ СМИЩУКА

По стране шла весна, волнующая обновлением, буйством красок, порывом свежих сил. Только что побывал в районах юго-запада Украины. Здесь, где в годы войны горела земля, рушились города и села, сегодня торжествует жизнь. Всех зачаровала неохватная ширь зеленого массива.

— Есть на что посмотреть? — остановив на дороге трактор, босовито сказал рослый загорелый парень. — Это Смищукowo поле. Так мы решили. Взяли поле на арендный подряд. Однополчанам нашего Героя Романа Смищука дали слово собрать здесь самый высокий урожай.

— Держитесь, Николай, — подошла к нему парторг колхоза Мария Гервасий. — На вас теперь все смотрят: наследники знаменитого деда Романа. Поле сегодня — передовая...

Любовью к земле, трудом хлеборобы края уже залечили раны, оставленные здесь войной. И сегодня новые поколения свято чтут подвиги тех, кто отстоял честь и независимость Родины.

Возле Дома культуры встретился колхозный садовод, седой, с малиновым рубцом на шее. Попыхивая цигаркой, он говорил парням, прибывшим из соседних сел на практику:

— Думаю, вот что прежде всего надо учитывать. Человека нашего. Прост, добр, великодушен. Но когда грянула грозная беда, какая же

поднялась в нем огромная сила! Она сокрушила всю вражью нечисть. Таким был и наш односельчанин Роман Смищук...

Слушаю вместе с парнями старого садовника, а память возвращает к временам минувшим. Мне довелось встречаться со Смищуком, когда он совершил подвиг, виделись мы с ним и в послевоенные годы. В то военное лето о его подвиге газеты многих стран писали: «Русский солдат совершил «чудо». «Такого еще мир не знал».

В одном бою гранатами и бутылками с горючей жидкостью боец Роман Смищук уничтожил шесть фашистских танков. Шесть чудовищ, несших смерть сотням людей, еще долго догорали перед нашими окопами, чадя и бросая косматые тени на румынские холмы. А в часть уже поступило приветствие Военного Совета фронта отважному бойцу: «Ваш пример отваги и героизма никогда не забудет советский народ». Еще не остывший от напряжения боя, но, как всегда, спокойный, неторопливый, Смищук будто не о себе читал слова: «Советский солдат сильнее любой немецкой брони». Задумался, потом взглянул на окружавших его солдат:

— А ведь и правда. Она, броня-то, хоть и стальная, да не того качества. Мы покрепче будем.

С той поры минуло более сорока лет, но память о подвиге солдата жива. Вновь прислушиваясь к беседе.

— Жили мы рядом, — продолжал рассказчик. — Я помогал Роману Семеновичу колхозный сад разводить. И вообще человек он был доброты и души необыкновенной, муху не обидит. А пришла пора...

Помолчал, круто принимая пальцами сигарку:

— Ростом был невысок, но всегда подтянут, глаз острый. Он такой и на площади в Крыжополе стоит, отлитый в бронзе. Сюда часто навешиваются его боевые побратимы.

Было лето 1944 года. Война катилась на запад. Подошли наши части к Румынии и с ходу форсировали реку Прут севернее Ясс, зацепились на плацдарме. Солдаты шутили: «Голова на горе Оларилор, а ноги в Пруте». Гитлеровцы атаковали все ожесточеннее, пытаются сбросить наших в Прут. Тогда-то и вступило в бой пополнение, недавно прибывшее на фронт в 50-ю стрелковую дивизию. Приказ: любой ценой удержаться до подхода наших танков.

Свое место в окопе занял и винницкий колхозник рядовой Роман Смищук. По-хозяйски осмотрелся вокруг. Запасся боеприпасами и стал поглубже зарываться в землю.

«Жутко?» — подошел к новичкам командир роты лейтенант Суханов. «Нет, ждем встречи с врагом», — спокойно ответил Смищук. «Вижу, руки у вас трудовые и взгляд смелый — значит, и на войне потрудитесь, как надо».

Ночью прилег Роман, смотрит в небо, а перед глазами вся жизнь как на ладони. Учиться пришлось мало, с детства работал. Когда установили в родных местах Советскую власть, послали его служить в уголов-

ный розыск. Время было тревожное, гонялись за бандами. Хорошую школу прошел Смищук, работая с партийцами. По призыву партии ездил на стройку «Азовстали». Дружно работалось в трудовом коллективе, но дал завод первую сталь, и Роман вернулся в колхоз.

Все спутала война. Просился на фронт — не взяли по болезни сердца. Поручили ему гнать скот в тыл. По дороге наскочили вражеские парашютисты, а потом танки. Из знакомых Романа мало кто спасся. Вернулся он домой, и тут каждый день пытка: жену гитлеровцы избили, ребятишек ранили, продукты забрали... Когда пришла Красная Армия, Смищук вместе с сыном Григорием сразу же записался добровольцем...

Вспоминал Роман ужасы, перенесенные в дни оккупации, и ненависть к врагу жгла его сердце.

«На рассвете,— неторопливо, деловито рассказывал позднее Смищук о том памятном бое,— нам принесли завтрак. Дали хлеб, сахар, табак. Но в это время на окопы нашей третьей роты градом посыпались мины и снаряды. Спасли глубокие траншеи. Оглушенные, поднялись и видим: гитлеровцы пытаются нас окружить. Встретили их огнем, гранатами, а кое-где штыками. Схватка жестокая была. Упал мой земляк Роман Шулик, ранен боец Федор Капустяный. А гитлеровцы нажимают: куда ни глянешь — их мышинные мундиры. Да разве, думаю, не осилим их? Кричу:

— Держись, ребята!

Атаку отбили. Но не успели передохнуть, налетела вражеская авиация. Ранило командира отделения, земляка Василия Ксендзюка. «Эх, гады,— вырвалось у меня,— какой парень». А он перевязал сам себе руку и вновь за автомат:

— Хлопцы, повоюем еще!..

И вот появилась лавина фашистских танков. Жутковато стало. Подполз ко мне новобранец, кричит: «Небось, дядько Роман, капут нам».

— Не паникуй,— твердо говорю ему,— хватай гранаты и бутылки. Вместе будем бить.

А, может, и моя смерть пришла, думаю. Ну, если уж погибать, так по-человечески. Когда танки стали приближаться к окопам, вспомнил я, как в 1941 году гитлеровцы в нашем селе пленных давили гусеницами. Захватили тогда, проклятые, 48 человек за селом, в большинстве раненых, загнали в пшеницу и давай со всех сторон утюжить их танками... Встала у меня перед глазами эта зверская расправа, и я сказал себе: «Стой твердо, Роман! Вот где иродам гитлеровцам отомстишь».

Схватив три гранаты и три бутылки с горючей смесью, бросился навстречу танкам. Вижу: один подполз совсем близко. Пора! Поднялся, швырнул в него гранату и присел в траншее. Слышу: танк остановился. Изловчился и бросил в него бутылку с горючей смесью. Запылал танк! Во мне все запело, так обрадовался! Экипаж, правда, успел выскочить, но сразу же попал под огонь наших пулеметчиков, а тут справа другой танк наползает. И в него гранату, а потом бутылкой накрыл. Третий, заметил,

метрах в ста перед траншеей лавирует. Побежал я по траншее к нему. Выбрал удобное место — и опять в ход гранату и бутылку.

Танки еще продолжали ползти, а у меня «боезапас» кончился. Побежал к ребятам. Кругом крошечный ад, а они меня обнимать начали, кричат: «Молодец!» — а мне же некогда. Дайте, говорю, гранат и бутылок. Набрал, сколько мог, и бегом назад. Танки наползают на окопы. Уничтожил и четвертый. Хорошо помню, как и пятый охватило пламя...

А вот шестой... Тут уж сил моих не хватило, напряжение-то было адское. Полз на меня танк, а я к нему. Чувствую: нет мочи добросить гранату. Жду. Помню, напрягся весь, бросил гранату, танк вздыбился, показалась вспышка пламени. А я потерял сознание...»

Смишука нашли засыпанного землей. Думали, что убит. Быстро откопали, и он очнулся. Хлопцы были безмерно рады, что герой жив. На перебой говорили: «Ну здорово ты, Роман, выручил роту. Фашисты удрали».

Словно на крыльях, полетела слава о Смишуке. Специально приходили послушать, посмотреть на «громовержца». «Думали, он какой-то богатырь, силач, а на самом деле такой, как все».

Добрая весть пришла и в родное село. Жители сообщили жене: «Параска, что твой Роман-то сотворил: шесть фрицевских танков сжег».

— Да перестаньте вы, — отмахнулась Прасковья Андреевна. — Это кто-то другой. Мой Роман такой тихий, добрый, смиренный, и сердце у него слабое...

— По радио сообщили.

По лицу Прасковьи Андреевны покатались слезы... Слезы радости, их давно не было.

Высокую награду Герою Советского Союза Роману Семеновичу Смишуку вручал командующий 2-м Украинским фронтом Р. Я. Малиновский. Рядом с отцом стоял его 20-летний сын Григорий, тоже отважно воевавший под Яссами. Командующий тепло поздравил отца и сына, потом спросил Романа Семеновича:

— Какое у вас желание?

— Одно: добить поскорее фашистов.

— А просьба какая?

— Чтобы с сыном вместе уничтожить врагов.

Отпустили солдата на побывку домой. Все село торжественно встречало своего знаменитого земляка.

Но недолго задержался дома Герой. Вскоре вместе с сыном уже был на фронте, плечом к плечу наступали на Яссы, где наши войска громили фашистскую группу армий «Южная Украина». Здесь партийцы приняли прославленного истребителя танков в свои ряды. В заявлении он написал: «Я отдал себя делу защиты Родины. Вступая в ряды ВКП(б), кланюсь бороться с гитлеровскими оккупантами до полного их разгрома».

До конца войны беззаветно воевали Смищуки. Прошли почти пол-Европы. Прорывали вражескую оборону на Сандомирском плацдарме, форсировали Одер и Нейсе, освобождали Прагу. Отец подготовил много истребителей танков, сын участвовал в трудных операциях, отмечен наградами. Было и так: Григорий стрелял из миномета, а отец подносил ему мины...

И вот Победа! Она вернула людям украденную врагом весну.

...Когда Роман Смищук возвратился домой, его избрали председателем колхоза. Не жалея сил, отдавал он всего себя восстановлению разрушенного врагом хозяйства, депутатским делам. Часто выступал перед молодежью. Старательно учились и работали рядом сыновья Григорий, Михаил, дочь Дина.

Как-то в Киеве я услышал по телефону знакомый голос.

— Роман Семенович?

— Он самый.

Мы встретились с ним. Смищук был такой же приветливый, внимательный, лишь глубже стали морщины.

— Начали мы строить школу,— пояснил он,— надо и о библиотеке для ребят позаботиться.

Доброе дело, как зеленый росток, дает богатые плоды. В дни последнего приезда мы любовались просторной школой в селе Крикливец, рядом вырос Дом культуры, а библиотека, начало которой положил председатель, ныне имеет тысячи томов. Жаль, не дожил до нынешних дней старый солдат.

К деду Роману всегда тянулись дети. А внучка Лена в 14 лет написала рассказ о жизни дедушки. Всем семейством читали письмо внука Володи из армии: «...Мы, молодые солдаты, построились на плацу. Я первым принимал присягу и думал о дедушке, подвиг которого помнит вся страна...»

ВАСИЛЬ ВАСИЛЬИЧ

Я невольно вздрогнул: на висевшей в музее картине был изображен удивительно знакомый человек. Неужели это фрезеровщик Иванов? Но ведь мы только что беседовали, и он ни слова не проронил о картине. Черты лица те же и фигура, взгляд... Еду опять на завод полиграфических машин, нахожу своего нового знакомого.

— Да, вы правы,— едва приметно улыбается Василий Васильевич Иванов.— На рисунке действительно я. Мало изменился, говорите? Вряд ли... Давно это было.

На завод пришел художник. С трудом, подолгу задерживаясь на ступеньках, поднялся по лестнице. В партбюро устало сел, стараясь отдышаться. Время было блокадное, и голод, невзгоды до предела истощили его силы. Несмотря на это, он изо дня в день ходил по улицам,

ездил по боевым постам, предприятиям, а вечерами рисовал. В промерзшей мастерской, при тусклом свете копилки. Изображал людей, что стояли у зениток и станков, гасили «зажигалки» на крышах, спасали детей. Дрожали руки, слезились глаза, а он наносил штрих за штрихом. И в каждый вкладывал всю силу ненависти к врагу, любовь к родным ленинградцам. Серия его работ «Ленинград в дни блокады» потрясла даже знатоков, как свидетельство гражданского и творческого подвига художника.

— Лучшего рабочего назвать? — устало повторил секретарь партбюро. — Хотите показать на картине? Это хорошо. Кого же взять? Все трудятся беззаветно. Для фронта...

Помолчал, прислушиваясь к гулу станков.

— Ну что же, возьмите Иванова...

— А может, я сам выберу? — спросил художник.

Парторг согласно кивнул головой.

И вот Пахомов идет из цеха в цех, вглядываясь в изнуренные, сосредоточенные лица. Внимание привлек мальчонка. Очень уж он проворно работал. Пиджак мешковатый, наверное, с чужого плеча. На вихрастые волосы лихо наброшена кепчонка. Губы сжаты. На груди — медаль.

Пристроившись, Пахомов начал делать набросок. Фрезеровщик словно не замечал его — работал.

— Как тебя зовут? — спросил художник.

Парень, не отрываясь, скупно ответил:

— Василь Васильич.

Легкая улыбка скользнула по бледному лицу Пахомова: «Серьезен». Художник продолжал набрасывать фрагменты будущей композиции. А подросток, работая, хмуро помалкивал. Он бросал лишь две-три фразы, когда к нему подходили от соседних станков. Называли его уважительно: «товарищ бригадир», «Василь Васильич».

В конце дня в цех заглянул парторг.

— Все-таки избрали товарища Иванова, — взглянув на рисунки, сказал он.

Пахомов недоуменно посмотрел на парторга: «Какого, мол, Иванова?» А тот подошел к юному фрезеровщику, по-отцовски положил ему руку на плечо и спросил:

— Сколько сегодня пулеметов дала твоя бригада, товарищ Иванов?

И выслушав Василь Васильича, что-то стал записывать себе в потрепанный блокнотик, приговаривая:

— Эх, как их там ждуть!..

Поздно вечером Пахомов снова увидел Василь Васильича. Тот вышел из проходной и — озабоченный, серьезный — зашагал в полутьме по улице рядом с отрядом красноармейцев, направлявшихся на передовую. Губы мальчика шевелились в такт солдатской песне...

Как же ты, Вася, в свои четырнадцать лет стал Василь Васильичем?

Мальчишка рано осиротел. Отец погиб на границе в схватке с японцами, а мать умерла. Родителей ему заменил колхоз, а потом, когда со своими вологодскими сверстниками приехал он в Ленинград и поступил в ремесленное училище, — завод. Учиться пришлось недолго, через год грянула война. Вася стремился на фронт, но его не пустили: молод. И на второй день войны вместе с одногодками-ремесленниками стал к станку.

Всю свою страсть, сметливость, упорство отдал труду, самозабвенно ковал оружие. Вскоре над его станком уже реял победный флажок — знак передового рабочего. Потом Васе поручили бригаду. Рядом громыхали бомбы, свистели осколки, а подростки не покидали цех ни на минуту. И жили теперь тут же. Поздно вечером, бывало, подойдет мастер и скажет: «Отдохнули бы», — а бригадир еще плотнее сдвинет брови и снова включает свой фрезерный. Следом за Василь Васильичем — вся бригада.

Как-то на заводе выступала поэтесса Вера Инбер. Она читала свой героический «Пулковский меридиан». И записала в дневнике: «Там работают мальчишки-ремесленники. Они сидели тихо, слушали хорошо. Когда я окончила, ко мне на эстраду поднялся из первого ряда парнишка в шапке-ушанке. «Лучший стахановец цеха», — шепнул мне секретарь парторганизации. От имени всего цеха мальчик поблагодарил меня. Я спросила: любит ли он стихи? Он помолчал, потом ответил: «Так ведь это же не стихи. Это правда».

То был Василь Васильич. Он только что вернулся с фронта, куда в подарок бойцам отвозил пулеметы. Солдаты сразу же установили их на позиции. Командир кивнул Васе: «Пробуй первым».

Резанула длинная очередь, накрыв проходившую вдали группу гитлеровцев. Снова и снова яростно взрывались пулеметные очереди. Казалось, в них мальчишка вкладывал всю накопившую ярость. «Метко бьет!» — возбужденно приговаривал лейтенант, наблюдая в бинокль. «Сам же делал прицелы», — с гордостью заметил заводской парторг Александр Дмитриевич Макаров, возглавлявший делегацию рабочих.

Вот в те дни Пахомов и нарисовал Василь Васильича. И тут случилась беда: вражеская бомба угодила в мастерскую художника. Безжалостный металл уничтожил многие картины, но эта чудом уцелела. Бережно извлеченная из-под обломков, она после войны заняла место в музее.

Непрерывно течет живая река посетителей. Но здесь, возле композиции «Для фронта», люди задерживаются и подолгу молчат. Что волнует их? Один ответил: сознание ответственности советского человека — и рабочего, и художника... Рядом в рамке под стеклом — выцветший листок. Его, правда, не все замечают. А документ это исторический. Проходят десятилетия, но от него все исходит свет. Душевный трепет вызывает каждая строка этого, казалось бы, обычного решения горкома партии — об улучшении бытовых условий молодых рабочих. Нет, оно не

обычное. В тяжкую годину, когда тысячи людей ежедневно умирали от голода, враг железной рукой сжимал город, коммунисты думали о мальчишках. Об их «рациональном питании», «крепких чеботах», «режиме работы» и о... банях. Так могли поступать только те, за кем будущее.

Шел 1973 год. Художник опять пришел в цех. И этот приход был неизбежным, его предопределил неослабевающий интерес к людям труда. Пахомов решил создать новую картину о своем заводском друге. За эти годы они не раз виделись. То Пахомов заглядывал к Василичу, то Иванов появлялся в мастерской художника. И долго с теплой улыбкой рабочий смотрел на рисунки, изображающие ребятшек, словно попал в свой удивительный мир детства. Пахомов стал лауреатом, удостоился звания народного художника. Шли годы, а дружба с заводскими, родившаяся в дни войны, не слабела. «Как без воздуха, не могу жить без нее», — признавался Алексей Федорович.

Вот и в тот день он увлеченно рисовал в цеховой обстановке и одновременно изучал жизнь рабочего, беседовал с его соседями.

— Когда же мы, Василийч, с тобой встретились? — оторвавшись на минутку от рисунка, задумчиво сказал Пахомов. Глаза его прищурены, пытливо изучают каждое движение рабочего.

— В сорок третьем...

— Значит, уже тридцать лет. А у станка ты сколько стоишь?

— Побольше, — улыбается Василийч, устанавливая новую заготовку. — И все, как один день...

— Однообразно. Так, что ли, хочешь сказать? Утром включил, вечером выключил...

Фрезеровщик, точно не замечая пристального взгляда художника, берет в руки горячую деталь, любуется ею, а потом уже отвечает:

— Год назад эта деталь так же называлась. А ведь сегодня она совсем иная, новая. Да что деталь — машина вся новая! Тут, Алексей Федорович, не заскучаешь. Десять тысяч смен я проработал. И поверь, каждая — экзамен. Своего рода творческий отчет...

«Экзамен» — как удивительно точно определил бригадир существо своей работы! Здесь, на заводе-новаторе, каждый день идет творческий поиск, «разведка боем». Когда в тридцатых годах изготовили первую наборную машину — линотип, С. М. Киров назвал ее «машиной с высшим образованием». Но это уже давно позади. Уже на предприятии создают электронные фотонаборные автоматы. Можно сказать, «машины с ученой степенью». И чтобы быть на уровне новых требований, как много надо знать! Василийч из тех мастеров, что «блоху подковать могут», много лет без ОТК работает. И все равно каждый день учится и переучивается, думает, ищет. Все эти годы он пополнял свои знания на курсах, в школах передового опыта, самообразованием. Недаром к нему приходят за советом и конструкторы, и мастера. А с технологом Людмилой Петровой у Василья Васильича многолетняя творческая дружба:

совместно они разработали не один десяток рационализаторских предложений.

Однажды к бригадиру Иванову зашел директор завода, поздравил с присвоением звания лучшего фрезеровщика, спросил, как работается. «По старинке», — ответил бригадир. Уловив иронию, директор заинтересовался: «Как так по старинке?» Фрезеровщик развернул чертежи, стал показывать. «Да-а, — протянул директор, — вы правы, технология устарела. Исправим, и в срочном порядке». Иванов верит ему: директор доказал это каждым своим шагом, пройдя на заводе путь от ремесленника до руководителя предприятия.

Много здесь людей, с которыми Васильич поделился частицей своей души. Словно отрывает от сердца, когда людей переводят из бригады. Но надо: выдвигают. Когда Василь Василича наградили орденом Трудового Красного Знамени, несколько дней отовсюду приходили люди, тепло поздравляли. А особенно радовалась его бригада: ведь каждому он дал что-то доброе. Сергей Какоев недавно появился тут, а уже по первому классу работал. У Анатолия Ежова, Николая Паршина, Олега Жукова свой «почерк» в работе, но линия в жизни — от него, Василича.

— Вчера, Алексей Федорович, — вдруг вспоминает бригадир, — говорил мне жена: «Сколько лет ты в цехе, у станка, попросился бы на более легкую работу». Я, знаете, даже обиделся. Как это, говорю, уйти от станка? Мария-то должна понимать, в соседнем цехе трудится. И дочки на заводе выросли. Тут, можно сказать, ось всей нашей жизни проходит...

Пахомов быстро делает новые наброски: в такие минуты Василич — как алмаз: поворачивается новыми гранями. Сколько лет знаком, а вот все открываются неизвестные черты, и это естественно, потому что человек творит, живет полнокровно, отдает все силы души и ума своему делу...

Вторую картину о Василиче Пахомову не удалось завершить. Остались фрагменты. Их порой берет сын Андрей, тоже художник, и подолгу рассматривает творения отца. Люди труда стали главной темой и его творчества, думается, он продолжит то, что не успел сделать отец.

...Все сильнее бьется пульс цеховой жизни. Поступают более трудные заказы, и Василич нередко подолгу задерживается на заводе. Бригада нередко выходила победителем в соревновании. Но забот у Василя Василича Иванова не убавлялось. Давно уже заступила новая смена, а бригадир еще беседует с мастерами, технологами, отлаживает приспособления. Для Василича, кажется, вся жизнь — одна смена, он не делит ее на производственную и личную.

— Так вот и Алексей Федорович считал, — замечал рабочий, — глупоую резьбу в жизни он оставил...

...Уже в сумерки молча выходим на улицу. Неторопливо шагает Василич. Взгляд озабочен, мысль — о завтрашнем дне, так незаметно подошла уже пенсия. Смотришь на Василь Василича и думаешь о том, что

на его лице отражается вся красота человеческая, что вот на таких плечах и держится наша держава.

СЕРДЦЕМ ВИЖУ ВАС

Жизнь человека, о котором надо писать роман, попробуй-ка изложить в газетных заметках. Давно знаю Бориса Зайцева и не могу не рассказать о нем.

В сознание Борис пришел через двадцать два дня после ранения. Он тяжело приподнял голову и тревожно спросил:

— Где я?

Неслышными шагами подошла девушка в белом халате, нежно положила руку на лоб юноши. Голова его снова упала на подушку, на восково-бледном лице выступили капельки пота. Потом щеки стали оживать, появлялись краски, которые стерло долгое страдание.

— Где я нахожусь? — повторил Борис, неловко пытаясь смахнуть рукой с глаз повязку.

Медсестра отвела его руку:

— Не волнуйся, ты в госпитале.

— Ничего не вижу... Зажгите свет. Да зажгите же свет!

Сняли повязку, но он упорно просил зажечь свет.

Медики молча стояли рядом. На улице было солнечно, на больших окнах играли блики весеннего света. А Борис ничего не видел...

Однополчане рассказывали, что случилось это под Кенигсбергом. Во время атаки оборвалась связь, нужно было ее восстановить. Чтобы выиграть время, сержант Зайцев с двумя бойцами бросился к месту разрыва напрямую. Вот уже у цели... И в это время взрыв. Борис подорвался на противотанковой мине. Его доставили в медсанбат. Сопровождавший солдат спросил врача:

— Как, товарищ доктор?

— Вряд ли дотянет до утра... Истек кровью.

Сибиряк остался жив — без обеих ног, тяжело контуженным, а теперь стало ясно, что еще и слепым. Все это произошло за два шага до Победы. Нужно было жить, не видя дня, постоянно борясь со смертью...

...Давно оттремели бои, а для Зайцева, сержанта-коммуниста, продолжалось сражение — с поражениями и победами. На помощь пришли его могучая сила воли и талант медиков. Десятки операций. Год лежал в разных госпиталях Москвы. Лицо заросло клочковатой бородой. Фабричные девушки — шефы госпиталя — предлагали: «Дедушка, давайте поможем вам написать домой письмо». А дедушке шел двадцатый год...

По ночам, просыпаясь, уносился мысленно в далекую Сибирь, где родился и провел незабываемые годы детства и отрочества на берегах Ангары. Деревню окружала тайга, и Боря вместе с отцом еще мальчиш-

кой валил лес, возил его на пристани. Потом помогал бакенщикам. Красавица река зачаровала его, и сейчас, на госпитальной койке, часто слышал шум ее. Вспомнилась мечта детства: стать капитаном и водить суда по быстрой Ангаре. Через годы в ушах звучали музыкой команды: «Отдать швартовы!», «Полный вперед!» Война похоронила мечту.

Борис решил со своим другом Нилом идти на фронт. В военкомате, несмотря на их упорные просьбы, сказали: «В шестнадцать лет? Рано. Будет время — позовем». И тогда побратимы, преодолев немало трудностей, пробрались до Сталинграда, где у Нила были родственники. Дальше, к фронту, их не пустили, а направили с командой солдат в полковую школу связистов в... Красноярск. Отсюда, оказалось, фронт стал «ближе». Здесь приглянулся он веселой сибирячке Пане. Она и проводила его на фронт.

Первый бой был под Вязьмой. Вместе с боевыми друзьями привел «языка». Потом — Смоленск, где ему с катушками на спине пришлось переплыть освещенный ракетами Днепр и восстановить связь. Приходилось поминутно нырять в воду, чтобы спастись от вражеских осколков и пулеметных очередей. Добрался, связь установил, помог товарищам отбить атаку гитлеровцев. Получил легкое ранение, но остался в строю. Вскоре юноше-связисту вручили первый орден. Потом — Белоруссия, Восточная Пруссия...

Осторожно достает Борис из-под подушки последнее письмо Паны. Все потерял, а письмо «выжило». Не может его прочитать, но помнит наизусть. Успел в тот же день ответить. И тоже помнит каждую строчку своего «треугольничка»: «Прошу тебя, пришли мне свое фото. Меня направляют на курсы лейтенантов... Знай, что я помню о тебе всегда и встречусь с тобой, где бы ты ни была».

Где бы ты ни была... Снова и снова он видел белокурую, смешливую сибирячку... Как сообщить о себе? Нужен ли он ей вот такой, если даже ходить надо учиться заново? Ему подобрали протезы. Первый раз встал, сделал шаг и резко качнулась земля. Подхватили, не дали упасть стоявшие рядом медики. Отдышался. Сцепив зубы, решительно сказал:

— Все равно пойду!

Шаг, два, три... В палату вошел без помощи. С каждым днем все больше оставалось позади пройденных метров. Научился читать руками по системе Брайля. Готовясь выходить из госпиталя, все больше раздумывал: куда поехать? Не было ответа. И вот тогда его разыскала Пана, положив конец колебаниям телеграммой: «Приезжай. Что бы ни случилось, все равно жду. Люблю. Крепко целую».

Не знал тогда Борис, как отец Паны уговаривал дочь не губить свою жизнь, не спешить с замужеством. «Пусть бы без ног, но еще и незрячий — даже сапожником или сторожем стать не сможет. Вот что», — рассерженно махал он рукой. Дочь впервые в жизни не послушалась отца, пошла по велению своего сердца. То, что ждало ее впереди, смело назову подвигом.

Однажды зимним вечером в окошко комнатухи Паны кто-то тихо постучал. Она выскочила на улицу. Увидела двух людей в шинелях. С криком «Борис!» бросилась к худому, с черным чубом из-под шапки...

Вскоре вместе с Паной съездили в родную деревню Бориса. Мама была печальна, коротая дни в одиночестве. Всем душевным теплом сына Борис «отогрел» сердце матери, а потом помог ей переехать к сыновьям в Красноярск. Уезжая, взял старую гармошку и на прощание сыграл трогательную, знакомую маме мелодию.

— Я уже была в музыкальном училище, — призналась Пана. — Там будет группа незрячих. Тебе можно учиться... По классу баяна.

Истово взялся Борис за учебу, перед ним чуть-чуть открывалась дверь в мир. Но сил не хватало. С трудом поднимал баян, а иногда, неловко ступив на протезах, падал, но вовремя на помощь приходила Пана. И так сорок лет идет рядом его верная, заботливая жена. «Не знаю, как бы повернулась моя судьба, не будь рядом такого друга, — говорит Борис Петрович. — Наверно, не вышел бы на сцену...»

Но до сцены путь был далек и нелегок. Израненная рука не позволяла подолгу играть, мучительно трудно было выдерживать уроки, но Борис не подавал виду, что страдает, а нередко даже подпевал в такт. Педагог Клара Львовна Киселева заметила это: ей понравился голос Бориса, и она попросила его спеть в присутствии преподавателей. В зале зазвучал красивый баритон. Все тогда высказались, чтобы Бориса перевести в класс вокала. Теперь он учился петь. Приходилось брать новые высоты — упорством, старанием, силой воли... После училища, получив приглашение, он выдержал экзамен в Московский институт имени Гнесиных. Но в это время усилились боли в глазах.

Стараясь помочь, Зайцеву посоветовали продолжить занятия в Одесской консерватории. Там рядом море и кудесник-офтальмолог Филатов. Профессор трижды осмотрел юношу и сказал: «Оканчивайте консерваторию, а потом сделаем операцию». Но не смог Филатов осуществить свой замысел: вскоре его не стало.

Учился Борис удивительно прилежно, с упорством овладевал знаниями, богатством опыта мастеров. После выпускных экзаменов его приглашали в филармонию, в ансамбли, но он стеснялся, все еще не решаясь выйти на сцену. Как такого примут? Но сердце рвалось к людям.

Однажды предложили выступить на заводе. И он тогда впервые понял, что примут его хорошо, что его песни нужны людям. И вот уже более тридцати лет он радует слушателей своим пением. В его мелодиях звучат мужество, чувство дружбы и красоты, сыновняя любовь к родной земле. Зайцев всегда поет вдохновенно, с большим душевным волнением. Он подготовил двадцать три сольных программы. Ему присвоили звание Заслуженного артиста Украинской ССР.

...Уверенной «морячкой» походкой вышел артист на сцену. Красив, подтянут, с серебристыми сединами в черных кудрях. Улыбнулся, аплодисменты волнами покатались по залу. Многие здесь были три года на-

зад на концерте Бориса Зайцева и, прослышав, что он приехал, снова пришли. Всех не вместил зал Дворца культуры в подмосковном Одинцове, и десятки людей остались в фойе слушать выступление артиста по радио. Зал замер. Начался 1500-й концерт певца-героя.

Широкая напевность, искренность артиста, дарившего людям любимые мелодии военных и мирных дней, с первых минут покорили слушателей. Разные грани певца проявились в большой программе. Набато звучали слова о священной войне, щемяще-лирично — о солдатских дорогах, землянке, в которой поет гармоника вьюге назло, шутиливо-задорно о смуглянке молдаванке...

Песней артист объединял сидящих в зале. Глаза влажнеют и у седых ветеранов, и у юной поросли. От имени тех, кто «обелиском стал и песней чистою», певец мужественно обращался к их молодым сверстникам:

«Я говорю с тобой из сорок
 пятого
Взгляни на снимок: я на нем
 живой
Не допусти же вновь войну
 проклятую!
Пусть будет мирным небо
 над тобой!»

Весь зал встает и в едином порыве подхватывает песню, которую с потрясающей силой поет Борис Зайцев, геройски выступавший, когда «земля стонала... и мы за жизнь вели жестокий бой». Вот затихают последние слова: «Нам бы жить да жить, жить бы да любить, этот мир беречь на Земле!» — и на сцену поднимается однопольчанин певцов полковник, Герой Советского Союза Сергей Богомолов...

Рядом со мной сидела Пана Яковлевна, волнуясь за Бориса Петровича. Она-то знает, как нелегко дается ему каждый концерт. Взрыв в сорок пятом часто напоминает о себе. И порой, придя за кулисы после двух часов концерта, певец в изнеможении садится в кресло и долго отдыхает. А завтра снова выходит на сцену, чтобы петь и петь. Едет в самые дальние дали. Ему аплодировали в Москве, Киеве, Свердловске, Хабаровске, Донецке, Архангельске, Красноярске, Тюмени, Норильске, на стройках БАМа, в городах и селах Польши...

— Никогда не забыть, — вспоминает Пана Яковлевна. — выступления во время встречи ветеранов родной Пятой армии Борис с особой радостью пел. На подъеме закончил песню:

«Хотя не вижу вас глазами,
Я сердцем вижу вас».

Что происходило в зале, трудно передать. Волнение охватило всех. Ведь многие считали Зайцева погибшим, а он поет. С возгласами «Борис!» двое пожилых мужчин бросились к сцене. Борис Петрович узнал их по голосам и, весь озаренный радостью, проговорил: «Родные мои...» Сразу же попал в объятия боевых друзей Василия Бегинина и Александра Шаламова. Это они, рискуя жизнью, ночью на минном поле разыскали в воронке почти бездыханного Бориса, вынесли его на плащ-палатке из-под обстрела и доставили в медсанбат. После войны более тридцати лет они разыскивали друга.

Незабываемый след Борис Зайцев оставил на БАМе, где он был трижды. На стареньком АН-2 певец со своими друзьями-музыкантами облетел трассу. Выступал в недостроенных помещениях, где стены были покрыты ледяной коркой. Певец с неизменной радостью выходил к слушателям. Всюду его тепло принимали — на стройплощадках, полустанках, в вагончиках, он крепко подружился с молодыми строителями.

...Ночью Борис услышал гром. «Неужели гроза в декабре?» Но потом понял, что бьют «катюши». «Да, да, — выглянув в окно, подтвердила Пана, — летят огненные стрелы». Где-то близко шел бой. Так началась концертная поездка по Афганистану. Зайцева отговаривали: «По силам ли тебе будет?» Но он стоял на своем: «Я там нужен. Обузой для коллег не стану!» И по общему отзыву: Борис Петрович и Пана Яковлевна показали пример выдержки и смелости. И всюду звучали песни.

Встречали выступления ветерана-солдата с восторгом, особенно когда звучали мелодии Великой Отечественной войны, песенные приветы Родины. Каждый день в пути — перелеты, поездки в бронетранспортерах, встречи в окопах.

Зайцев стремился побывать в госпиталях, старался подбодрить раненых воинов-интернационалистов, по их просьбе пел в палатах, рассказывал о фронтовой дружбе. Но как-то его безмолвно встретили в палате трое солдат, раненных в глаза.

«Если я сумел найти место в жизни, то сумеете и вы», — этими словами начал разговор с юношами. Повязки на глазах мешали им увидеть вошедшего, но они быстро поняли, что это их побратим. Он говорил о себе, расспросил, как себя чувствуют, потом пел о друзьях-фронтовиках, о Родине так, как, кажется, не пел никогда. Борис Петрович подошел к каждому, а одному, сняв с руки, подарил часы, специально сделанные для незрячих.

— Надевай, браток, — обнял он парня. — А потом, когда выздоровеешь, передай другому незрячему. Вылечат, не отчаивайся, сейчас такие чудеса делают... Пишите, приезжайте ко мне... Всегда помогу.

Много адресов записал Борис Петрович. А на прощание спел «Веселую кадрили». Задорные слова, так и просится танец. Хорошо бы. Но возможно ли? Зайцев к этому готовился долго. Держась за стену, отрабатывал шаг за шагом. И взял еще одну высоту. Кончая песню, начал танцевать.

— Кто это танцует? — спросил один из раненых. И услышав, что поет и танцует Борис Зайцев, боец удивленно добавил: — Вы же на протезах?

— Овладел ими, как своими ногами, — ответил гость.

За далью — даль. Идет по жизни человек, не сдаваясь перед тьмой. Он любит шум моря, запах лугов, пение птиц, голоса людей... Он — человек светлого мира. У него тысячи друзей. Его песни знают и любят. В них не только слова и мелодии. В них бьется душа человека, который выстоял и победил.

РАСПЛАТА

Шел май 1945 года. Гитлер уже покончил с собой, рейх доживал последние дни, а предатели Родины, отпетые авантюристы, главари контрреволюции еще замыслили кровавые операции.

— Я полмира отправлю на тот свет, прежде чем меня поймут! — разъяренно кричал атаман Шкуро. — Мои «дикие дивизии» и «волчьи сотни» пройдут смерчем и проложат нам дорогу.

Не прошло и двух месяцев, как Шкуро и Краснов, их сподвижники были пойманы советскими чекистами. Об их пленении до сих пор ходят разные вымыслы. Мы расскажем о том, как действительно была проведена эта операция...

Одним из активных участников ее был чекист Михаил Иванович Соловьев... Крепкий, атлетически статный, с неизменной улыбкой паренек из-под Сум готовился пойти по родительской «рабочей стезе». Детство у него было трудное. Отец рано умер, и Миша помогал матери в работе. Вытачивал разные изделия, конструировал, работал на огороде. Михаил проглатывал уйму книг, несмотря на трудности, жадно учился, ходил в школу за восемь километров, занимался спортом. Так закалялся характер.

Уже уचाь в институте, по путевке комсомола он пошел в военное училище. Видел, что в мире пахло войной. Надо быть к этому готовым, овладеть армейским искусством.

Военный строй пришелся по душе Соловьеву, а о чекистской профессии, которая со временем стала каждым его мгновением и смыслом всей жизни, тогда он еще не задумывался. Это пришло потом. В огне жестоких испытаний времени раскрылся в нем такой спектр качеств, которые позволили увидеть в молодом коммунисте талантливого чекиста, подлинного дзержинца.

В первые дни войны полк, где командовал взводом Соловьев, подняли ночью по тревоге, бросили навстречу прорвавшимся немецким танкам. Жаркий бой гремел в узкой горловине дороги между двумя бо-

лотами. Пылали танки, рвались снаряды, мины. Сквозь дымовую завесу бросались в контратаки наши солдаты, пытаясь удержать эти ворота.

К вечеру бой стих. К позициям взвода Соловьева подошли разведчики — мокрые, измазанные, усталые.

— Откуда вы? — спросил Соловьев.

— Шарили тут по болотам. И вот какая картина открылась. Несколько немецких танков, пытаясь обойти горловину, двинулись по лесным зарослям и увязли в болотах.

— Их можно уничтожить, — озарила мысль лейтенанта Соловьева. — Забросать гранатами, перебить экипажи из автоматов.

Командиру полка была доложена ситуация, и пехотинцы получили приказ: разбить в болоте немецкие танки!

Вместе с разведчиками и остатками взвода Соловьев углубился в болота. Бойцы незаметно подбирались к вражеским танкам и забрасывали их гранатами и бутылками с горючей жидкостью. Убегавших танкистов настигали автоматные очереди. Гитлеровцы лишились десятков танков и многих солдат.

Начало было воодушевляющим. Но вскоре судьба лейтенанта Соловьева круто изменилась. Его срочно вызвали в штаб фронта. Генерал приветливо встретил энергичного, подтянутого офицера, и, всматриваясь в него проникательным взглядом, спросил:

— Как воюется, лейтенант?

— Нелегко, — четко ответил Соловьев. — Но, думается, скоро гитлеровцы на нашем участке выдохнутся...

— Судите по опыту?

— Всесторонне смотрим, — заметил лейтенант. — Это мнение не только мое, но и офицеров, бойцов. Надо гитлеровцев бить не только с фронта, но и с тыла, брать окружениями, партизанскими диверсиями. Фашист боится ударов с тыла, лесных засад, взрывов на мостах, дорогах.

— Да вы мне целую лекцию прочитали. Все правильно! Но я вас пригласил по другому делу.

— Слушаю вас...

— Вот если командир дивизии отпустит вас, — генерал повернулся к своему соседу, улыбнувшись ему, — тогда мы предложим вам другую работу.

— Какую?

— Стать чекистом. Мечом и щитом в военную грозу.

Соловьев задумался. Дело было новое, и специально он не готовился к нему. Получится ли? Хватит ли опыта? И словно читая его мысли, командир дивизии, сидевший рядом с генералом, ответил на вопрос, возоблававший Соловьева.

— Получится. И думаю превосходно, Михаил Иванович, — комдив впервые назвал Соловьева по имени и отчеству.

Было это необычно, но Михаил почувствовал, что на него с этой минуты ложится какая-то особая ответственность.

Генерал заметил:

— Вместе будем работать...

В битве за Ленинград Соловьев прошел первую, порой весьма горькую, но забываемую чекистскую школу.

Потом это пригодилось во всей работе — приучал себя всегда быть начеку. И такое качество, постоянная бдительность в боевой обстановке были весьма важными. Так действовали опытные чекисты. Эта черта вошла и в характер Михаила. Нередко задачи приходилось решать, идя буквально по острию ножа, их надо было решать сегодня, сейчас, ибо завтра было бы уже поздно. И каждый новый рассвет был мигом, ожиданием новой схватки и этапом всей жизни.

Много операций за войну провел чекист Соловьев. Каждый день преподносил нелегкую задачу. Так было под Ленинградом и Сталинградом, в степях Донбасса, на берегу Днепра, у озера Балатон. Операция на венгерской земле особенно памятна. С помощью патриота-венгра чекисты разорили здесь «осиное гнездо» — гитлеровскую разведывательно-диверсионную школу.

— «Осиное гнездо», — сказал генерал, пригласив Соловьева, — когда наши войска подошли к Балатону, разлетелось по Венгрии, чтобы помешать продвижению Советской Армии, устраивать диверсии против венгерских антифашистов. Вы об этом уже знаете?

— Да.

«Осиным гнездом» именовалась абверовская разведывательно-диверсионная школа в г. Надьканиже. Где укрылись эти ядовитые осы? Сколько вреда шпионажем, диверсиями, провокациями они могут принести населению, наступающим войскам, освобождающим братскую Венгрию?

— Всех «ос» надо обезвредить! И как можно быстрее — эти слова генерала ни на минуту не давали покоя Соловьеву. Он подобрал группу наиболее опытных чекистов, и они стали искать нити, за которые можно было уцепиться, чтобы ликвидировать деятельность диверсантов.

Однажды через Балатон перебрался по льду профессор университета Рот Шандор, семью которого погубили гитлеровцы. Он выразил желание помогать советским войскам. После тщательной проверки его взяли работать переводчиком. Он помог найти повара школы разведки, водителя начальника и работника штаба.

— Вот эти все знают, — сказал Шандор. Но в разговоре с чекистами они ничего не сказали, мол, ничего не знают. Тогда Шандор зашел в землянку Соловьева.

— Товарищ начальник, дайте я с ними поговорю.

— Зачем?

— Все расскажут.

Вскоре Шандор принес капитану карту, на которой были отмечены места пребывания агентов. «Ручаюсь, что все точно», — сказал.

И тогда чекисты с помощью венгерских товарищей раскрыли сеть вражеских агентов. И за одну ночь с полицным были схвачены 17 резидентов, подготовленных в «Осином гнезде».

Через две недели при содействии армейских подразделений опасная вражеская сеть шпионско-подрывной школы абвера была полностью раскрыта и обезврежена. Были взяты склады со взрывчаткой, оружием и даже химическими средствами борьбы. Советское командование высоко оценило действия наших чекистов. Капитан Михаил Соловьев был награжден боевым орденом.

Уже гремели последние залпы фронтовых орудий, но капитана-чекиста ждали впереди новые трудные испытания. От народного гнева и возмездия, как стало известно, готовились скрыться изменники Родины, ставшие жестокими фашистскими палачами.

Армия, в которой находился Соловьев, закончила боевые действия в австрийском городе Граце. Победа, весна настраивали на долгожданный отдых, мирные занятия. Но Михаил Соловьев со своими коллегами готовился к операции по захвату главарей белогвардейских банд, ставших на службу фашизму, — генерала Краснова, атамана Шкуро, командира «дикой дивизии» князя Султан-Гирея Клыча, генерала-эсэсовца фон Панвица...

Генерал Краснов на второй день после победы Октября двинул свои войска на Петроград, против революции. Но его части были разбиты, сам Краснов попал в плен. Крестьясь, он дал честное слово, что прекратит борьбу против Советской власти. Его отпустили. Но он нарушил слово и бежал на Дон, где собирал силы контрреволюции и прославился карательными операциями. Потом преданно служил фашистам.

Шкуро... Авантюрист, грабитель, исключительно жестоко расправлявшийся с мирным населением... Кровавый след истязаний и зверств Шкуро оставил по всему югу страны. Не зря в народе его звали атаманом Шкура.

Недалеко от Граца находились репатриационные лагеря с пересыльным пунктом. Они гудели, как ульи. Здесь собрались сотни тысяч перемещенных лиц, военнопленных, остатки казачьих сотен. По утрам среди базарного многолюдья нередко ходил невысокий, плотный мужчина в коричневой гимнастерке. Это был Соловьев. Он заводил разговоры с бывшими узниками концлагерей, казаками.

— А сами-то вы откуда? — любопытствуя, как-то спросил бывший кубанский казак, поседевший на чужбине.

— Ищу вот побратимов.

— Тут разве найдешь. Вчера говорили, Краснов появлялся, а сегодня его уже видели со Шкуро за сто верст отсюда... Боятся они возмездия, вот и рывут туда-сюда.

Вечерами собирались чекисты, делились наблюдениями, обобщали факты, а утром капитан обо всем докладывал начальнику отдела

«Смерш» армии полковнику Ф. И. Окорочкову, а он, в свою очередь, во фронт — генералу Ивашугину П. И.

— Хотим тебе, — хитровато прищурясь, заметил полковник, — дать другую, побольше должность — включить в состав репатриационной миссии... Мы тебя сделаем заместителем руководителя миссии полковника Шорохова.

Вскоре начались переговоры о передаче советским представителям бывших военнопленных, казаков из охранного корпуса. Части его использовались в свое время в боях против наших войск, партизанских борцов в Белоруссии, на Балканах, в Италии.

Советские представители настойчиво ставили вопрос о разоружении военных отрядов. «О, это опасно, — возражали англичане. — Они напиваются и стреляют». Во время переговоров зашла речь о генерале Краснове, атамане Шкуро и других военных преступниках. Все наши попытки выяснить их местонахождение не дали результатов. Английский представитель заявил: «Если мы их найдем, то, конечно, передадим советским военным властям, как и было условлено».

На очередной встрече возле нашей миссии появился новый английский переводчик. Разговорились. Оказался выходцем из Полтавы — Антоненко. Но его здесь звали Галушка. Через него попытались советские представители кое-что узнать:

— Хозяева ваши разговоры ведут, а на деле скрывают целые формирования. Вы прячете белых генералов Краснова и Шкуро, а заявляете, что хотите быть нашими союзниками и друзьями. Не ладится что-то...

— Да они на днях были в Глейздорфском лагере...

И тут же осекся, почувствовав, что сказал лишнее.

Соловьев на этот раз поехал в конце колонны, задумав побывать в лагере, о котором случайно проговорился Антоненко. Поездка была крайне опасной: везде вооруженные казаки. Вот и перевал. Глянул капитан на водителя старшину Деева. Тот бросил взгляд:

— Пора? Есть исправить двигатель!

Остановился и стал копаться в моторе. Сразу машину окружила полиция на броневиках и мотоциклах: что случилось? Соловьев, не выходя из автомобиля, спокойно сказал:

— Небольшая поломка. Можете ехать вперед.

И англичане уехали, чекисты остались одни. Вскоре они подъехали к большому селу. У колодца стояли женщина и солдат. Соловьев подошел, чтобы напиться воды, глянул, а у солдата из-под английской куртки выглядывает тельняшка. Парень подбежал к машине:

— Вы что, заблудились?

— Нет, специально приехали.

— Братцы, да вас же вмиг расстреляют...

— А вы кто?

— Попал в плен, хочу к своим.

Капитан взял моряка за руку:

— Скажи по-братски, где Краснов, Шкуро...
— Были, да, по слухам, уехали.
— Куда? Кто знает?
— Лена — сожительница Шкуро. Она в лагере. Хотите, будет в машине у вас, но, чур, меня возьмете с собой.
— Моряк, значит, не может быть вопросов? Выполнишь — своей честью гарантирую тебе защиту.
— Полная гарантия!

Моряк ушел за ворота, а Соловьев со спутниками сидели, как на раскаленных углях. Знали: один неверный шаг — и все погибли. Проверили пистолеты, положили в карманы гранаты. По-прежнему не сводили глаз с проходной. А вдруг вырвутся оттуда головорезы с автоматами?

Наконец появились моряк и девушка. Весело разговаривая, они шли к машине. Увидев незнакомых людей, девушка испуганно остановилась. Парень открыл дверцу и втолкнул ее в машину. Соловьев повернулся к ней с пистолетом в руке. Она спокойно сказала: «Этим меня не испугаете. Подниму крик — и вас всех уничтожат».

— Хотите жить — вам надо молчать, — проговорил Соловьев.
И машина стремительно рванулась вперед.

Рассказывает Михаил Соловьев:

«Издали мы увидели, что шлагбаум англичан, который мы утром проезжали, закрыт. Отчего это? И рядом стоят бронемашин. Дальше видим, что наш шлагбаум открыт, солдаты сидят на ганках.

Как же быть? Остановиться у КПП англичан — значит провалить всю операцию.

Решение созрело мгновенно. Приблизившись к контрольному пункту, шофер дал сигнал. Я поднял руку в приветствии, а старшине сказал: — Идем на таран!

От удара машины створки раскрылись. В это время из палаток выскочили несколько английских солдат с автоматами. Они приготовились к стрельбе, но увидели наших танкистов и успокоились. Мы миновали наш КПП.

В тот день Лена и моряк о многом нам рассказали. Стало известно, что Краснов, Шкуро и другие главарь антисоветских воинских формирований подготовили и направили командующему союзными войсками в Италии послание, в котором просили «взять их под защиту» и предлагали свои услуги по продолжению «борьбы с коммунизмом».

Полученные данные позволили членам нашей миссии на заключительной встрече более остро поставить вопрос о передаче Красной Армии остатков вражеских войск вместе с белогвардейскими генералами».

...Во время одного из перерывов заседания Соловьев вышел в сад. Сюда же зашел заместитель руководителя английской миссии.

— Хотите побыстрее на Родину, — сказал Соловьев, — но вот ваши коллеги «тянут резину».

— Мне тоже непонятно,— согласился подполковник. И, помолчав минуту, вдруг приглушенным голосом спросил: — А ценностей у атаманов много?

— Еще бы! всю жизнь грабят,— сообщил Соловьев и увидел, что его сообщение крайне заинтересовало подполковника. — Мое мнение такое: вместе с репатрированными передайте нам и этих атаманов. Кому они теперь нужны? Отправим их к нам, а драгоценности можете оставить себе...

— Только как мы доставим вам генералов? — и тут же собеседнику Соловьева пришла мысль, которую капитан одобрил. Эти генералы обратились в штаб Александра по поводу своей дальнейшей судьбы... — Ну, конечно, мы предоставим им возможность на наших крытых автомашинах прокатиться в штаб командующего...

По докладу Соловьева чекисты вместе с армейским командованием разработали план завершающего этапа операции. Через день началась массовая репатриация. Местом передачи был избран Юденбург. Его окружили подразделениями пограничников, частями и соединениями Красной Армии.

Генералов разыскивали англичане у итальянской границы и пригласили следовать на совещание в штаб Александра в связи с их посланием. Под вечер появилась первая машина, крытая черным брезентом. Остановилась на мосту. Борта открыли, и с помощью английских солдат из машины вышел генерал Краснов, а из второй — атаман Шкуро. Следом подошли другие машины. Поняв, куда их привезли, некоторые военные преступники долго не хотели сходить с машин. Всех головорезов быстро разоружили и поместили в здание старого завода. Потом под усиленной охраной увезли на восток.

Атаман Шкуро все искал возможность покончить с собой. Даже пытался броситься на штык. Но бойцы были начеку. Шкуро спросил у Соловьева:

— Что со мной будет?

— Это решит суд народа.

Военная коллегия Верховного Суда СССР в январе 1947 года приговорила обвиняемых Краснова П. Н., Шкуро А. Г., Султан-Гирея Клыча, Краснова С. Н., Доманова Т. И. и фон Панвица к смертной казни через повешение. Справедливый приговор был приведен в исполнение.

СОДЕРЖАНИЕ

Встань за правду	3
Найти себя в труде	9
Жизнь без скидок	19
Чекист из «Бури»	23
Шесть танков Смищука	27
Василь Васильич	31
Сердцем вижу вас	36
Расплата	41

Михаил СТЕПИЧЕВ

ВСТАНЬ ЗА ПРАВДУ

Очерки

Редактор К. А. Елютин

Технический редактор Т. Я. Ковынченкова

Сдано в набор 24.08.88. Подписано к печати 12.10.88. А 11801. Формат 70 × 108^{1/32}. Бумага газетная. Гарнитура «Гарамонд». Офсетная печать. Усл. печ. л. 2,10. Усл. кр.-отт. 2,28. Учетно-изд. л. 3,28. Тираж 150000 экз. Зак. № 2981. Цена 15 коп.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография имени В. И. Ленина издательства ЦК КПСС «Правда». 125865, ГСП, Москва, А-137, ул. «Правды», 24.

ВНИМАНИЮ АВТОЛЮБИТЕЛЕЙ!

● Различные несчастные случаи, аварии, а порой и стихийные бедствия приносят владельцам транспортных средств немалый материальный ущерб. Помочь в таких сложных жизненных ситуациях призван договор страхования средств транспорта.

● На страхование принимаются подлежащие регистрации автомобили, мотоциклы, мотороллеры, мопеды, мотоколяски, мотонарты.

● Заключенный договор гарантирует возмещение материального ущерба, причиненного в результате похищения, аварии (дорожно-транспортного происшествия), пожара, взрыва, удара молнии, бури, урагана, ливня и других стихийных бедствий.

● Срок действия договора (в пределах от двух месяцев до года) и страховая сумма устанавливаются по желанию автолюбителя.

● Размер страхового платежа зависит от вида средства транспорта, срока договора и величины страховой суммы. Причем чем выше страховая сумма, тем ниже тарифная ставка.

● Страховые платежи в счет договора можно внести путем безналичных расчетов через бухгалтерию по месту работы или наличными деньгами страховому агенту.

● Подробнее ознакомиться с условиями страхования и заключить договор можно в инспекции госстраха или у страхового агента.

**Главное управление государственного
страхования СССР**